

Артур Самари

Русская жена
эмира

Артур Самари

Русская жена эмира

«Издательские решения»

Самари А.

Русская жена эмира / А. Самари — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747653-3

Одна из жен последнего правителя Бухары — молодая барышня Наталья Сомова, влюбляется в полковника Николаева — военного советника эмира. Это случилось накануне наступления большевиков на Бухару. Как быть влюбленным, как выжить, ведь эмир с женами собирается бежать в Афганистан? К тому же полковник Николаев оказался последним свидетелем места сокрытия казны эмирата и составил карту. Неужели эмир убьет и его?

ISBN 978-5-44-747653-3

© Самари А.
© Издательские решения

Содержание

Тревожная ночь	6
Секретное поручение	8
Опасная дорога	12
Мечта консула	20
В ожидании ответа	23
Тайна гувернантки	25
Золотой караван	38
Первая жертва	46
Заговор	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Русская жена эмира

Артур Самари

Корректор Кристина Пестрякова

Дизайнер обложки Аскар Фузайлов

© Артур Самари, 2018

© Аскар Фузайлов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-7653-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тревожная ночь

Бухара, 1920 год.

Время было около двух ночи, а эмиру Бухары Саид Алимхану все не спалось. Уже вторую ночь его одолевала бессонница, и на то была очень серьезная причина.

Накинув на плечи ночной халат, обшитый золотыми нитками, эмир покинул спальню. Это был мужчина с красивым лицом, аккуратной бородой и выпирающим животом. Ему еще не было и сорока.

У двери в спальню правителя стояли часовые в красных кафтанах с длинными ружьями. Они дремали, свесив головы. Коридор освещали английские лампы, установленные в стенных нишах. Услышав скрип двери, охрана вздрогнула и тотчас вытянулась в струну.

– Вы что, спите? – недовольно спросил эмир.

– Никак нет, наш почтеннейший государь, – торопливо забормотали один за другим стражники.

– А мне кажется, вы спали. Вот так вы охраняете своего благодетеля.

– Что вы, наш государь, как можно, мы просто опустили головы, – заверил старший по чину.

Будучи по природе незлым человеком, эмир сразу успокоился, сказав про себя: «А может, в самом деле, они не спали. И все же им не место возле моей спальни, пусть несут службу в другом месте».

Алимхан вышел на крыльцо своего дворца и стал спускаться вниз. Отряд личной охраны, стоявший у входа в два ряда, вмиг принял стойку «смирно». Их тридцатилетний командир, который доводился эмиру племянником, шагнул навстречу эмиру и отдал честь.

Эмир сказал:

– Ахмад, смени караул у моей спальни: не нравятся они мне.

– Будет исполнено, великий эмир, прямо сейчас уберу их оттуда.

– Уже какой день мне не спится: дела все тревожат. Те, кто думает, что быть эмиром легко, – настоящие глупцы. Я погуляю в саду, но пусть твои люди держатся от меня поодаль, дабы не мешали мыслить.

– Великий эмир, я понял вас.

Стояли последние дни мая. В саду еще стояла прохлада, от травы под густыми чинарами тянуло влагой. Эмир, заложив руки за спину и выставив живот, стал расхаживать по аллее от одного дерева к другому. Иногда он замедлял шаги и застывал в глубоком раздумье. Затем снова двигался, пока не опустился на одну из скамей. Свесив тяжелую голову в чалме, эмир продолжал думать о несчастье, свалившемся на его голову. Что же тревожило правителя? Бухарское ханство оказалось в окружении большевиков. Кругом они установили Советскую власть, и кольцо вокруг бухарских земель все стягивается, хотя большевики клянутся эмиру, что не нарушат мир и не нападут на суверенную Бухару, которая всегда дружила с Россией. Однако это лишь слова – на деле красноармейцы уже захватили часть городов, в их числе Карши – второй город Бухарского ханства. Отныне у эмира Алимхана уже не осталось никаких сомнений, что очень скоро «красные» двинутся на его столицу. Об этом не раз доносили верные люди из советского Туркестана. Если такое случится, то Бухаре не спастись: им самим не удержать город. То же самое говорит его военный советник, полковник русской армии Николаев. Несмотря на превосходящую во много раз численность, Бухарская армия технически слабее. Неужели пришел конец и его ханству? В таком случае первым делом он должен увезти из Бухары государственную казну – в подвалах казнохранилища хранятся десятки тонн золотых монет. Но как это сделать? В пути на караван могут напасть «красные» бандиты, да и про-

сто разбойники, едва прослышав о золоте. Это великий риск. И все же нужно увозить. Но куда? Кому доверить столь огромную казну?

Именно об этом думал эмир в саду, сидя на скамейке. Конечно, казну можно отправить к соседям в Афганистан или Иран – все же это ненадежно. И после долгих раздумий пришел к мысли: «Золото следует вести в Индию, под покровительство англичан, которые управляют этой страной. Разумеется, путь не близкий, зато они надежные друзья. Он не раз встречался с ними в Бухаре. По своей натуре англичане – народ честный, и им можно доверить казну, если согласятся принять ее на хранение. Они не должны отказать эмиру, как-никак большевики являются и их врагами. «Итак, англичане. Для этого дела я использую полковника Николаева, у которого дружеские отношения с их консулом Эссертоном, хотя я сам тоже дружен с Питом».

После таких дум эмир легко вздохнул: «Уф! Вроде есть решение!»

Секретное поручение

Ворота караван-сарая были распахнуты. В постоялый двор, обнесенный глиняной стеной, заехал на лошади один из верных слуг эмира Бухары. Он сошел вниз у первой кельи, которые тянулись вдоль стены. Это был средних лет человек, одетый в синий халат и белоснежную чалму с зелеными полосками. Он огляделся. Двор был почти пуст, кроме двух наемных рабочих, которые замазывали глиной отвалившиеся части стены. В этом году весна выдалась очень дождливой, и в домах горожан отвалились целые куски глиняных стен.

– Эй, мардикоры, где хозяин караван-сарая? – окликнул их придворный важным голосом.

Бросив глину на землю, молодые работники в грязных белых рубахах подбежали к нему.

– Почтенный хозяин сего заведения вон в той келье, – сказал один из них и указал пальцем, – но его нельзя беспокоить: он молится со своими братьями по вере.

И все же слуга эмира легонько отворил дверцу, где у порога в ряд стояли изношенные сапоги и галоши. И миг яркий свет осветил полутемную комнату с куполообразным сводом, откуда веяло прохладой. Там, вдоль стен, сидели дервиши, заложив под себя ноги так, что были видны лишь их пятки. Обычно эти святые бродяги имели безобразный вид: изношенные халаты в заплатках, неряшливые бороды и грубые остроконечные шапки. Этих дервишей в народе почитали как божьих детей. Они всецело отреклись от мирских благ, дабы суета не отвлекала от частых молитв, которые доводили их до душевного экстаза, и им чудилось, что они общаются с самим Всевышним. Посему дервиши жили одними подаяниями, бродя по городам Туркестана.

В мрачной келье звучал голос одного дервиша, который по памяти, почти нараспев, читал суры из Корана. Они слушали священные слова из Корана, склонив головы, и при этом качались из стороны в сторону. Хотя странники не понимали арабскую речь, но это не мешало им общаться с самим Богом. Даже когда отворилась дверца кельи и возникла голова придворного слуги, дервиши не шелохнулись. Они пребывали в ином, сладостном мире, и не желали возвращаться в этот грешный мир.

– Почтенный Даврон-ака, можно вас, дело важное, – как бы извиняясь, обратился придворный к чтецу, чалма и халат которого были почти новыми. На вид ему было лет за сорок.

Звонкий голос чтеца умолк; затем он встал с места и, прежде чем покинуть собрание, произнес: «О, братья мои, появились важные дела, я прошу вас продолжить наше богоугодное дело без меня».

Хозяин караван-сарая вышел наружу и закрыл за собой дверь. Глаза главного дервиша были красными. Но при виде человека эмира Даврон сразу пришел в себя, и его лицо приняло строгий вид. Было ясно: случилось что-то очень важное. По пустякам Алимхан не стал бы тревожить главу местных дервишей.

– Я пришел за вами, – тихо сказал посланник, едва они поприветствовали друг друга. – Сам эмир ждет вас во дворце.

– Я готов, мы можем ехать.

Вместе с придворным он выехал из ворот караван-сарая на туркменском скакуне и по дороге размышлял о предстоящей встрече с эмиром: «Зачем я понадобился правителю, ведь только вчера мы с ним тайно виделись в доме купца Абдуллы?» Там на словах Даврон лично передал эмиру сведения, собранные его дервишами в соседнем Самарканде и Ташкенте, где хозяйничают Советы. Алимхан, сидя на дорогих курпачах (одеяле), слушал внимательно. Правда, одно сообщение оказалось весьма неприятным для слуха правителя: большевики захватили Карши – крупный город Бухарского эмирата. И тут его глаза вспыхнули, и в гневе он стал проклинать этих «красных» безбожников – уже какой раз они обманывают бухарцев, заверяя о мире. Теперь уже не осталось сомнений, что войны не избежать. Затем

обрушился на младобухарцев, называя их предателями, которые помогают большевикам, призывая народ Бухары к свержению государя. Взамен они обещают земной рай, где страной будут править бедняки. «Какая глупость, – возмутился про себя Даврон, следуя по улицам города за придворным, – да разве такое мыслимо, чтобы неученый люд управлял целой страной? Нет, без царя нельзя, иначе будет хаос, и тогда народ поубивает друг друга. Правильно делает наш эмир, что бросает таких смутьянов в зиндан (тюрьму) и предаёт их смерти».

В таких делах Даврон иногда оказывал услуги эмиру, поднимая простой народ на борьбу против младобухарцев, которые хотели видеть Бухару со своей конституцией и парламентом. И тогда религиозные фанатики нападали на дома младобухарцев, били их палками и даже закидывали камнями прямо на улице, на виду у соседей. При этом дервиши злобно кричали, что такова кара Всевышнего.

Проезжая мимо базара, Даврон заметил оживление: нынче народу стало больше. Так бывает всегда с наступлением жарких дней, когда созревают первые фрукты, овощи и люди спешат на базар. И обычно они собираются возле дехкан, которые разложили свои корзины и ведра на земле. Все знают, что у них дешевле, чем у лавочников.

На базаре было немало дервишей, так как здесь вполне можно кормиться. Даже жадные торговцы не смели отказать им в милости, боясь проклятий отшельников. Люди верят, что слова дервишей сбываются, не зря же их называют божьими детьми. Хотя дервиши бывают разные, но многие верно служат своему Учителю.

Почти всех членов своего Ордена Даврон знал в лицо – более пятсот человек. Они верно служили главе общины, точно пророку, и исполняли любые его указы. Следуя вдоль базара, Даврон заметил в толпе своих дервишей. Они бродили между лавками и заводили с торговцами разговор о религии, погоде и затем, незаметным образом, затевали беседу о политике эмира, называя его тираном, душителем бухарского народа. Часть торговцев соглашалась с ними, и таким путем дервиши узнавали о настроении народа, а также имена врагов. Все эти сведения хранились в голове, и с наступлением темноты они возвращались в караван-сарай. Там, в своей келье, при лампе Даврон записывал пером наиболее ценные разговоры. Далее список с именами неблагонадежных людей и их словами доставлялся начальнику городской стражи Турсун-беку, близкому родственнику эмира. И тот с улыбкой на широком лице вручал Даврону мешочек золотых монет для нужд общины. Глава дервишей сдержанно кланялся и прятал деньги за пазуху. Свою службу он считал честной, потому что считал младобухарцев врагами народа, сеятелями безбожных идей.

Следуя за слугой эмира, Даврон очутился у входа в Арк – дворцовую цитадель на возвышенности с непреступными стенами. Там жил эмир со своими приближенными. Там же находилась ханская резиденция с гаремом и государственная казна. Массивные резные ворота были распахнуты, отряд стражников с длинными ружьями нес службу. Слугу Алимхана сразу признали и пустили вовнутрь.

Далее два всадника уже ехали по мощеной дорожке. Возле большого водоема, в тени густых чинаров, где с важным видом расхаживали павлины. А когда они стали близиться к канцелярии эмира, то решили обойти здание с другой стороны. Там, в саду, имелась желтая дверца, ее охраняла пара молодых стражников, которые сидели прямо на земле, ведя душевную беседу. Но, увидев всадников, те вскочили с места и со своими ружьями вытянулись по стойке «смирно».

Слуга и Даврон вошли в узкую дверцу и по темной лестнице поднялись наверх, пока не оказались в светлой комнате – приемной канцелярии.

Увидав их, молодой секретарь, в новой тюбетейке и ярко зеленом халате, тотчас поднялся из-за стола:

– Почтенный Даврон-ака, пожалуйста, вас ждут, – и секретарь отворил одну из резных дверей.

Бесшумно дервиш ступил в широкую комнату, совсем не похожую на восточный стиль: над головой огромная хрустальная люстра, а напротив окон – два стеклянных шкафа, внутри яркая посуда, которой пользуются в Европе. Сам толстый эмир сидел в кресле за круглым столиком и рядом – полковник Николаев, в военном кителе с круглыми погонами и саблей на боку. Они вели важную беседу, склонив головы над столиком, и советник что-то объяснял, ведя карандашом по карте. Даврона они не заметили. И дервишу ничего не оставалось, как стоять у двери и ждать.

С минуты дервиш разглядывал комнату, хотя это был его второй приход. И опять он недоумевал: зачем мусульманскому правителю такая роскошь, тем более вещи из христианского мира. Что в них красивого? А может, подумалось дервишу, эта комната служит для приема русских гостей, которые до революции частенько бывали в Бухаре, а некоторые даже жили тут годами, подобно полковнику? Этого русского Даврон не раз видел то на базаре, то у военной канцелярии или в степи с солдатами. Он учил бухарцев военному делу.

– Великий эмир, вы желали видеть меня, – не выдержал Даврон и заговорил, иначе они могли подумать, что он подслушивает их тайную беседу. И дервиш с почтением прижал обе руки к груди, склонив голову.

Эмир и советник обернулись.

– Ты уже здесь? – изумился эмир. – А мы ждем тебя. Проходи, не стесняйся нас, садись рядом, вот на этом диванчике.

Даврон опустился лишь на край кушетки, обставленной вокруг шелковыми подушками – дервиши призирали роскошь и считали, что богатство развращает души мусульман, отвлекает от истинной веры. Об этом Даврон как-то обмолвился в беседе с эмиром, когда тот вызвал его на душевный разговор. И тогда повелитель дал дервишу разумное объяснение. Оказывается, красота дворцов нужна лишь затем, чтобы показать чужеземным гостям богатство и мощь Бухарского эмирата. Поэтому эмир вынужден строить такие дорогостоящие дворцы и приглашать мастеров из Европы, желая выглядеть не хуже других. Но тем не менее Даврон остался при своем мнении, хотя и не стал осуждать эмира. Все-таки правитель – наместник Бога на земле.

Перед началом разговора Алимхан произнес краткую молитву во славу Всевышнего, и все сделали «Аминь». Далее, как того требует обычай, они спросили друг у друга о самочувствии, о семье. В ответ русский полковник был столь же вежлив и говорил по-таджикски: «Спасибо, слава Аллаху, жив и здоров». Дервиша это весьма тронуло.

– Да, хочу познакомиться тебя с этим человеком, – произнес эмир, – его зовут Виктор Николаев. Он мой советник по военным делам. Его знания защитят нас от большевиков. Именно этому человеку мы должны быть благодарны за то, что наша армия смогла разгромить «красных» под командованием хвастливого комиссара Колесова и спасти Бухару. Ко всему Виктор – мой старый, верный друг. Мы познакомились лет тридцать назад в Москве. Тогда я был совсем молод, и мой отец – да благословит его Всевышний – послал меня учиться военному делу в кадетский корпус, желая видеть сына сильным правителем. Родитель мой оказался прав, там кое-чему я научился. И вот там и подружился с Виктором, мы учились в одном классе. Даврон, знай, я доверяю этому человеку всецело. Даже больше, чем своей родне. А знаешь почему? Он не метит на мой трон.

Вспомнив о юношеских годах, эмир глянул на полковника, и оба улыбнулись. Видимо, было им что вспомнить. Однако лицо Алимхана быстро сменилось и стало серьезным:

– А теперь о деле. Вот зачем ты понадобился. Хочу доверить тебе самое важное дело в своей жизни. Ни одна живая душа не должна знать об этом. Знай, я никогда не сомневался в твоей верности бухарскому престолу, и ты это доказывал не раз. Если не изменяет память, мы знаем друг друга более десяти лет, еще с Шахрисабза, помнишь, я тогда был беком этой области?

– Уже двенадцать лет, государь, – уточнил дервиш, с почтением приложив руку к груди.

– Я очень ценю твою преданность, ты почти святой человек. Побольше бы таких верных людей... А теперь о деле. Даврон, я посылаю тебя в Кашгар к нашему другу Эссергону – английскому консулу. Отвезешь ему письмо. Но прежде желаю знать: тебе доводилось бывать в Кашгаре, знаешь ли туда дорогу?

– Мои странствия как-то завели меня в тот город, правда, это было лет десять назад. Мы с братьями по вере отправились туда, желая почтить могилу святого Сулеймана. Дорогу туда не забыл, но путь не близкий, займет дней пятнадцать.

– Я к вашим услугам, повелитель, – едва успел сказать дервиш, заговорил Николаев:

– На сей раз дорога будет намного длиннее. Как известно, Ферганская долина занята большевиками, и вам придется идти туда через горы Памира. Этот путь длиннее, зато безопаснее. Времени у нас очень мало, и вы должны будете скакать и днем, и ночью.

Однако Даврон осмелился возразить:

– Если позволите, я все же незаметно проскочу через долину: большевики не станут обыскивать дервиша. Сейчас им не до святых отшельников, потому что они думают лишь о том, как защитить занятые города от нападения народных бойцов, которых они называют басмачами. Какая глупость, ведь они сами сущие разбойники!

– Нет, – твердо сказал эмир, – это очень секретное поручение. Письмо ни в коем случае не должно попасть в руки большевиков, а также к другим людям. Если появится хоть малейшая угроза этому донесению, ты должен уничтожить его любыми путями. Поэтому не будем рисковать – поезжай через Памир. Конечно, это займет еще одну неделю пути, – так мне спокойнее. Ты понял меня?

– Да, повелитель. Но есть вопрос. На обратном пути я должен привезти ответ на это письмо?

– Ты верно мыслишь. Еще раз хочу напомнить: в случае опасности, если не удастся сжечь письмо, ты должен разорвать конверт в клочья и съесть его.

– Все ясно, государь, когда мне тронуться в путь?

– Прямо сейчас, дело срочное, – и эмир наклонился к столику и раскрыл красную папку с золотистым гербом эмирата. Оттуда он извлек конверт, запечатанный сургучом. – Это письмо зашей в подкладку халата.

Даврон сунул его в халат, где имелись карманы. Затем эмир вручил дервишу мешочек золотых монет, опустив его со словами: «Это тебе на дорогу. Денег не жалея, мало ли что в пути может случиться».

– А это от меня, – сказал Николаев и протянул ему револьвер. – Это на случай, если нападут разбойники. Нынче развелось их всюду.

Даврон оказался в замешательстве, ведь ему никогда не доводилось держать в руках такое оружие, и бросил взгляд на эмира.

Алимхан согласно кивнул головой:

– Бери. С таким оружием легче избавиться от врагов, чем с ножом.

– О, повелитель, все будет исполнено.

– Весьма ценю твою преданность. А теперь, друзья мои, перед опасной дорогой вознесем хвалу Аллаху. Да хранит нас Бог в этом весьма трудном деле. Но прежде хочу спросить у Даврона: правду ли говорят, что ты знаешь весь Коран наизусть?

– Да, повелитель, – совсем тихо ответил дервиш, скромно опустив глаза, как истинный мусульманин.

– Знай, я завидую тебе. Должно быть, это самое великое служение Аллаху! – такой хвалой эмир решил взбодрить дух дервиша, хотя сам не отличался особой набожностью.

Опасная дорога

Когда Даврон вышел из кабинета правителя, то в приемной увидел все того же придворного слугу. Тот сидел на диване и вел тихую беседу с секретарем, рассказывая какую-то забавную историю. Лица обоих сияли. Завидев главу Ордена, слуга сразу встал с места и произнес:

– О, святой учитель, мне велено проводить вас.

Они покинули резиденцию эмира через тот же полутемный коридор и оказались на заднем дворе. Опять стражники не сразу заметили их и, сидя на корточках, о чем-то болтали.

– Эй, глупые ослы, чего расселись тут? – выругался придворный, и те вмиг вскочили. – Вы не на хлопковом поле, а на службе повелителя. Таких надобно гнать отсюда. Сегодня же я доложу вашему командиру.

– Смилуйтесь, господин! У нас семьи, дети, кто будет их кормить? Ты же сам мусульманин и должен понимать нас, – стали умолять молодые стражники.

– Ладно, на этот раз прощаю. Помните мою доброту, – уже мягче произнес придворный.

Вскочив в седло, Даврон с интересом глянул на слугу, который имел такой важный вид, будто он здесь большой начальник. Этот молодой человек пришелся ему не по душе, и дервиш отметил про себя: «Истинный мусульманин должен быть скромнее, даже если доверенный человек самого эмира. А впрочем, он такой же слуга, как и эти солдаты. На земле у каждого человека свое место, и оно predetermined свыше, дабы существовал порядок между людьми».

Слуга эмира простился с дервишем, и тот ускакал.

Спешно Даврон вернулся в свой караван-сарай. Въехав во двор, в конце двора, под виноградником, он заметил двух работников. Они сидели на стареньком коврикe и вели между собой беседу с пиалой горячего чая. Эти люди сторожили товары заезжих купцов, которых с каждым днем становилось все меньше и меньше. Причина была в том, что большевики закрыли свои южные границы и всех торговцев объявили врагами Советской власти.

Заметив хозяина, они вскочили с мест и кинулись к нему с поклоном. Но озабоченный Даврон молча скрылся в своей просторной келье. Молящих братьев уже не было, и лишь юный помощник подметал комнату. Он доводился главе Ордена племянником, дядя привез его из родного кишлака, что рядом с Памирскими горами, и заставил учиться в медресе на богослова.

– Где Ахад, почему я не вижу его? – спросил Даврон.

– Он пошел проводить наших братьев и сказал, что по дороге сделает кое-какие покупки на базаре.

– Передай Ахаду, что несколько дней меня не будет, пусть исправно несет службу в мое отсутствие.

Даврон остановился у широкой ниши в стене и принялся укладывать свои вещи в хурджун – двухстороннюю матерчатую сумку.

– Если кто спросит обо мне, скажи: дядя уехал в Кабул.

– Будет исполнено, – ответил юноша и взял из рук дяди хурджун.

Они вышли во двор. Яркое солнце слепило глаза. Племянник забросил сумку на спину коня, у дерева.

По своей природе Даврон был немногословен и на прощанье лишь кивнул племяннику. Выехав за ворота, он рысцой поскакал по широкой улице между домами.

Предстояла долгая дорога, нужно было запастись едой, поэтому Даврон заехал на шумный базар. У ворот он сошел с коня и далее следовал вдоль лавок, где купил лепешки, орехи, кишмиш, курагу. Все эти мешочки с сушеными фруктами дервиш складывал в свой хурджун и затем быстро покинул базар.

Приближаясь к городским воротам, Даврон обратил внимание, что вход в Бухару теперь охраняет целый отряд солдат с новыми короткими винтовками. Они лениво сидели у стены и разглядывали прохожих, дехкан из ближайших кишлаков. Те уже сбыли свой товар и возвращались домой с другими товарами на ослах или пешком. Двигаясь верхом среди толпы, Даврон поднял голову и на крыше башни увидел двух дозорных солдат с биноклями. Один из них смотрел в степь, откуда могли внезапно нагрянуть русские солдаты. Второй, совсем еще молоденький, забавлялся чудесной техникой, разглядывая в окуляр дворы горожан. Там иногда раздетые женщины мыли свое тело, склонившись над широким тазом. И вот стражник застыл с восторженной улыбкой. «Видимо, это дурачок увидел то, чего хотел, или просто знакомого, – решил про себя Даврон. – Вот глупец, да разве можно таких ставить на столь важные места? Об этом надо будет довести до слуха эмира». Поведение стражника явно расстроило дервиша, и он злобно сплюнул в сторону. Однако рядом сразу раздался возмущенный голос:

– Эй, дервиш, ты чего плюешься на моего бычка, что он сделал тебе плохого? – с негодованием произнес какой-то старик в изношенном халате, еле поспевая за своим животным на поводке.

– О, отец, тысячу извинений, я не заметил его.

– Как бы не сглазил бычка, ведь я его только купил.

– О, отец, не стоит беспокоиться. Поверьте, у дервиша слюни святые, ведь мы божьи дети. Недовольный старик ничего не ответил.

Оказавшись за высокими стенами города, дервиш ударил коня плетью и ускакал по выжженной Каршинской степи в сторону Афганистана. Его путь лежал через родной кишлак дервиша.

Спустя три дня он добрался до родных мест, кишлак Дурмен. Все люди кланялись святому Даврону. В большом дворе, в нескольких комнатах жили его престарелые родители, жена и шестеро детей. Кроме добротного дома, в длинных сараях вдоль стены содержались лошади, три коровы, пять бычков и около ста баранов. Жизнь этой семьи текла в большом достатке, ведь Даврон владел караван-сараями в самой столице. Ко всему же его Орден получал немалые пожертвования от состоятельных горожан, а бедняки отдавали свои земли, дома и становились дервишами. Однако сам Даврон, следуя заповедям общины, вел скромный образ жизни и того же требовал от своей родни.

По обыкновению глава общины задерживался дома не более недели, пока не надоедали домашние, и затем возвращался в город к своим братьям по вере. Первыми его увидели два малолетних внука, которые играли в орехи, выбивая их из круга. С радостными криками: «Дедушка приехал! Дедушка приехал!» они подбежали к нему, зная, что тот непременно угостит сладостями. Дед обнял их, и на его лице появилась легкая улыбка, что случалось редко. Получив леденцы, детвора с радостными криками побежала в дом, чтобы сообщить приятную весть. Из разных комнат разом вышли жена, дочери, взрослые сыновья с женами.

Уже в своей комнате Даврон отдал жене мешочек с серебряными монетами. Столько же денег он вручил отцу, поставив перед ним на дастархане (скатерть), пока женщины готовили в большом казане плов. Даврон с сыновьями сидел на тахте напротив родителей, которые с волнением расспрашивали сына о тревожных событиях в Бухаре, а также на соседних землях, где власть русского царя пала и каким-то странным образом перешла в руки нового царя по имени Ленин.

– Говорят, новый царь из простой семьи и желает осчастливить весь бедный народ. Это правда, сынок? – спросил отец.

– Не верьте этим разговорам. Такие лживые слухи со злым умыслом, их распускают большевики, и в этом им помогают наши безбожники. Они продались шайтану Ленину и теперь хотят казнить нашего эмира, а ведь власть ему дана свыше. Не верьте им. Разве большевики – люди, если расстреливают даже наших мулл? Лучше царской власти не может быть ничего,

только дело в том, что одни правители бывают добрые, а другие – жадные и жестокие. Наш эмир – справедливый, я его хорошо знаю.

– О, сын мой, ты знаком с самим эмиром? – крайне изумился старик, вытаращив глаза, а за ним и остальная родня.

Даврон прикусил язык, но было уже поздно. О его связях с правителем знали единицы. А о том, какие именно поручения эмир дает дервишу, и вовсе никто. Конечно, родне можно довериться, и все же среди них всегда найдутся болтуны, которые любят хвалиться.

Взоры всех были обращены к Даврону, а тот не спешил с ответом.

– Как вам сказать, я не имел чести быть с ним знаком лично, но не раз видел его с близкого расстояния, вот как вас, – соврал Даврон.

Дервиш понимал: ложь для истинного мусульманина – это немалый грех. И все же он считал, что такой обман дозволен, если речь идет о благе страны и ее правителя. А поскольку власть дана эмиру свыше, то такой грех можно простить.

– Сын мой! Тебе, должно быть, уже известно о том, что на днях Советы захватили Карши, а значит, эти кяфиры уже совсем рядом. Как бы они не явились в наш кишлак. Что будет с нами? Говорят, Советы не любят богатых людей и отбирают у них все имущества, а тех, кто недоволен, бросают в зиндан.

– Самое главное, вам нужно держаться от политики как можно дальше. Это очень опасно. Деньги свои спрячьте в надежное место. Большевики грабят не только богатых, но и у зажиточных дехкан, говорят, отбирают и деньги, и муку, и скотину. Потому я советую всем продать своих быков, баранов и вырученные деньги перевести в золотые монеты. Такая осторожность не помешает, кто знает, как все обернется.

– А может, нам уехать в город? – спросил средний брат.

– Нет надобности. В кишлаке мало политики, и потому не так опасно, как в городе. Даже Бухара не вечна, как бы и она не оказалась в руках «красных». Обстановка в мире совсем нехорошая. Так что пока сидите здесь. Но век большевиков будет недолгим. Умные люди говорят, что Советам не удержаться у власти, потому что народ не любит их. О нашем разговоре никому не болтайте. В столь тяжкое время нужно чаще обращать свои взоры к чертогу Всевышнего. Молитесь и за нашего эмира – пусть его власть будет крепка. Да, вот еще что, теперь одевайтесь беднее, пусть люди думают, что от вас отвернулась удача. Вот и плов несут, давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Молодые невестки принесли три блюда плова с ароматным паром. Затем жены окликнули своих детей, которые играли в большом тенистом саду. Женщины и остальные домочадцы расположились отдельно от мужчин, на глиняной возвышенности, покрытой туркменским ковром.

После жирного плова и беседы мужчины опять остались одни. Женщины ушли на кухню, а детвора – к своим забавам.

Когда стало темнеть, Даврон решил уйти к себе:

– Отец, завтра с рассветом я отправлюсь в дальний путь по важному делу. Перед дорогой мне нужно хорошенько отдохнуть. Прочтите благодарственную молитву, пусть Аллах бережет всех нас, своих верных слуг.

После Даврон спустился с тахты и сказал родителю, задумавшись:

– Отец, знайте, что ваш сын важный человек, хотя и носит халат нищего. Одежда – всего лишь тряпка, которая закрывает наготу моего тела.

– Сын мой, по твоим словам я чувствую это, и все мы гордимся тобой. К тому же в последние годы твои доходы намного выросли, значит, ты стал там очень важным человеком.

На душе сына стало весело, хотя лицо осталось суровым, и он ушел к себе.

С первыми лучами солнца Даврон оседлал любимого коня, перекинув через седло хурджун, ускакал в сторону синих Памирских гор.

К таким путешествиям дервиш был привычен. Ночь проводил, где застигнет его темень. Если в горах, то под скалой или каким-нибудь деревом. Если в степи – рядом с конем под открытым небом, а в кишлаках находил себе место под крышей чайханы.

Чем дальше он удалялся в глубь высоких гор, тем реже попадались селения. Памирцы ему нравились. Горные жители при своей бедности были к нему всегда добры, особенно из-за знания Корана.

На восьмой день ему стали встречаться странные горцы – кяфиры, которые до сих пор не приняли ислам и сохранили какую-то свою, древнюю веру в разных богов. Дервиш презирал этот народ. Даврон ехал мимо их каменных домов и на гостеприимство кяфиров не отвечал, будто они не существовали. Он не желал заходить в их жилища и принимать пищу из рук неверных.

Высоко в горах, возле длинных языков ледника, стало холоднее, и ночью он уже прятался в расщелине какой-нибудь скалы, укрывшись шерстяным одеялом. При этом дервиш питался лишь сушеными фруктами и черствыми лепешками, замачивая их в бурлящем потоке реки, который с грохотом катил вниз валуны. Такой образ жизни нисколько не смущал его. Наоборот, в такие мгновения дервиш чувствовал себя ближе к Богу. А когда ему нужно было расслабиться от долгой, утомительной езды, Даврон сворачивал с дороги, ложился калачиком на камень и читал про себя молитву. Через некоторое время он мог опять двигаться в путь, чувствуя прилив сил во всем теле.

Только через восемнадцать дней Даврон добрался до Кашгара – китайской земли, где проживало много мусульман из Туркестана.

За холмом в степи появился город с его стенами, минаретами и крышами глиняных домов. Даврон облегченно вздохнул и остановил коня. Затем, закрыв глаза, прочитал благодарственную молитву и двинулся вперед. Уже были видны городские ворота, и оставалось совсем немного, как в степи его нагнали какие-то всадники, человек двадцать. Они молча окружили дервиша. Дервиша охватила тревога: вероятнее всего, это были местные разбойники. О них рассказывали жители кишлаков, которые страдали от бандитских набегов, они отбирали скот, муку и деньги. И все же лицо Даврона осталось спокойным. Что взять с нищего странника!

– Эй, нищий, слезь с коня и подойди ко мне, – крикнул один из них в черной папахе.

По его поведению было заметно, что он главарь. Лет сорока, одет в полосатый сине-зеленый халат. Остальные же моложе, в поношенных летних халатах и необычных треугольных шапках из войлока. Эти люди больше походили на монголов.

Неспешно Даврон сошел с коня и учтиво приветствовал главаря, прижав ладонь к груди. В его глазах не было страха: он был уверен, что дервиша не ограбят, иначе это большой грех для любого мусульманина. «Однако разбойники бывают разные, а что если найдут в подкладке халата письмо? – мелькнуло в голове дервиша, и ему стало страшно. – Разве в таком положении можно будет незаметно уничтожить конверт? Я даже не успею проглотить его».

– Эй, дервиш, откуда ты идешь и куда держишь путь?

– Я паломник из благородной Бухары и прибыл сюда, чтобы вознести молитву на могиле святого Сулеймана.

Упомянув имя местного святого, Даврон произнес «Амин» и провел руками возле лица.

От таких слов вожак немного растерялся, а ведь он намеревался обыскать дервиша и отнять последнее. Этот чужеземец оказался самым правоверным мусульманином, коль явился из самой Бухары лишь для того, чтобы почтить святого, известного каждому кашгарцу. И тогда разбойник задумался: «Похоже, это настоящий дервиш и не стоит обижать его. А вдруг в своих молитвах он пожалуется на меня нашему святому Сулейману, и тот пошлет на мою голову всякие беды или болезнь? Однако у него хорошая лошадь».

– Эй, дервиш, откуда у тебя такой породистый конь? Не кажется ли тебе, что нищему не к лицу иметь такое богатство?

– А ты хотел, чтобы я отправился в столь долгий путь на осле?

– Конечно, нет, но не на туркменском же скакуне, у которого очень высокая цена. Случайно ты не украл его у какого-нибудь богача?

– Не позволяй своему языку говорить столь дерзкие речи, ибо за такую ложь Аллах может покарать.

– Ладно, я не трону святого нищего, но коня заберу: он явно не твой. Тебе еще с нами повезло.

Разбойники были согласны с жоаком и закивали головами, широко улыбаясь. Затем главарь подал знак одному из них. Тот сбросил на землю хурджун дервиша и сам взобрался на скакуна. После они ускакали.

Даврон обозвал их слугами дьявола и проводил всадников глазами. Затем извлек из сумки коврик, расстелил его и, сняв сапоги, вступил на него. Так он стал молиться, опускаясь на колени и касаясь лбом земли. А завершил такими словами: «О Аллах, я благодарю тебя, что остался в живых! Раз так, значит, я занимаюсь богоугодным делом. Должно быть, разбойники были правы: не стоило мне отправляться в столь опасный путь на дорогом скакуне». От таких мыслей на душе стало легко, потому что он на верном пути. И завершив молитву, Даврон бросил сумку через плечо и зашагал по степи в сторону города.

Оказавшись за городскими воротами среди шумной толпы он направился к базару. Здесь, кроме китайцев, было много его земляков: таджиков и узбеков.

Отведав лагмана под чинарой на тахте, Даврон пошел в лавку ювелира. Торговец оказался евреем. Это было заметно не только по его большому носу, но и по грубой желтой веревке, опоясывавшей халат, и черной шапочке. По мусульманскому закону евреи должны были носить эти отличительные знаки, дабы случайно их не приняли за мусульманина, ибо евреев называли «поганым народом» из-за того, что те никак не желали перейти в ислам. «И даже здесь они, и тоже ювелиры», – удивился дервиш. Ювелир улыбнулся ему, как всякому покупателю, хотя в душе они ненавидел этих дервишей, фанатиков. От таких людей евреям не раз доставалось.

Появление дервиша в лавке ювелира выглядело очень странным: что здесь могло понадобиться этому нищему? Может, он хочет заказать бриллиантовый перстень? И ювелир усмехнулся в душе.

– Где находится дом главного англичанина? Ты должен знать, – обратился Даврон к нему.

– А зачем чужеземцу, тем более дервишу, понадобился англичанин? – спросил тихим голосом еврей и насторожился: «Не нравится мне этот бродяга, а вдруг он какой-нибудь шпион?»

Даврон привык, что в его стране евреи беззащитны и не смеют дерзить, а этот оказался наглым. От злости дервиш наклонился к торговцу и грубо произнес:

– Смотри, как бы я не отрезал тебе язык за твои дерзкие вопросы!

Испуганный ювелир стал оправдываться:

– О, почтенный дервиш, вы меня не так поняли. Я не имел желаний обидеть вас, тем более гостя. Мне просто подумалось: сейчас наступили беспокойные времена, а вы спрашиваете у меня об англичанине – это уже политика. А нам, евреям, это совсем не нужно, мы хотим жить...

– Говори, где дом англичанина? – прервал его Даврон.

– Сейчас скажу. Дом консула стоит на окраине города, недалеко от буддийского монастыря.

– Вот так-то лучше, и не забывай, кто ты, – злобно произнес дервиш и удалился от лавки.

Даврон не любил евреев с детства. Он никак не мог понять, как этот народ смеет спокойно жить на земле мусульман, продолжая верить в своего бога Яхве. «На свете не может быть ничего лучшего, чем ислам. Наша вера самая праведная и чистая, – говорил он себе. – Как эти глупцы не могут понять этого. Ислам – это истинная вера. За что любить евреев, если они

не желают принимать мусульманство? Тогда пусть убираются с наших земель». Будь его воля, он принудил бы их сменить веру или прогнал. Еще в молодости с другими дервишами Даврон не раз устраивал нападения на дома зажиточных евреев, при этом избивая их и отбирая имущество со словами: «Евреи не должны быть богаче мусульман». Это было в Карши. Но однажды он вознамерился учинить погром и в еврейском квартале Бухары. Едва дервиши явились в еврейскую махаллю с палками, там их встретили эмировские солдаты и направили на них свои длинные ружья. Даврону ничего не оставалось, как уйти подобру-поздорову. Тогда глава Ордена сильно обиделся на правителя. Почему эмир оказался против них, разве он не мусульманин. На следующий день в келью Даврона прибыли два конных солдата. Как организатора беспорядков его доставили во дворец. Он увидел правителя сидящим в кресле у водоема, тот бросал в воду кусочки хлеба. Красные, черные рыбки сразу бросались на еду, желая выхватить ее друг у друга. Наблюдая за этой борьбой, лицо Алимхана сияло. Эти жадные существа напоминали ему его подданных, которые ведут себя так же, чтоб быть ближе к трону. Когда начальник охраны подвел Даврона к эмиру, то правитель нахмурился. Он даже не ответил на приветствие. И дервишу все стало ясно, почему его покровитель зол. Он виновато склонил голову. «Даврон, запомни, – сказал тогда эмир, – евреи тоже полезный народ для Бухары, и я не позволю их обижать. Они трудолюбивы и в нашу казну приносят немалую прибыль». Дервиш хотел было возразить и привести свои доводы, мол, они тайно готовят вино, водку и продают мусульманам. Но повелитель, будто прочитав его мысли, произнес:

– А разве наши люди не грешат этим, разве они не готовят тайно вино, не продают наркотики? Они тоже развращают мусульманский народ, и тебе известны их имена.

После сказанного эмир отвернулся и опять стал бросать в воду кусочки хлеба. Глава дервишей понял, что их разговор окончен. Он поклонился и собрался уйти, как голос Алимхана остановил его:

– Да, вот еще что: Даврон, не злоупотребляй моим доверием к тебе. Хозяин Бухары – эмир, а не дервиши.

Об этой истории глава Ордена вспомнил, двигаясь по шумному базару Кашгара. Но своего мнения о евреях он так и не изменил. То есть фанатизм не позволил ему понять, что на этой земле Бог создал людей с разными верованиями, с различными внешностями и разными языками.

От ювелира Даврон направился в другую часть базара, где шла торговля лошадьми, ослами, быками, коровами и овцами. Там ему приглянулся крепкий конь, и, не торгуясь с болтливым торговцем, дервиш вложил тому в ладонь пять золотых монет. Лицо перекупщика засияло, и тот подумал про себя: «Откуда у этого нищего столько денег? Должно быть, кого-то ограбил. Но это не мое дело, неприлично совать нос в чужие дела».

Уже верхом по узким улицам Даврон отправился в сторону буддийского монастыря. Дорогу ему указывали добрые горожане, которые говорили на тюркском языке, как у него на родине.

Так Даврон оказался у монастыря китайского образца. Оттуда он сразу заметил невысокое европейское здание, огороженное белой стеной. Сомнений не было – это английское консульство. Дервиш облегченно вздохнул: «Слава Аллаху, наконец-то!» – и поскакал к его воротам. Его встретила охрана – четыре местных смуглых солдата в английской форме и с чалмой на голове. Они насторожились и выставили свои ружья вперед.

– Мне нужен ваш хозяин, англичанин Эссертон, – с трудом Даврон выговорил заморскую фамилию и сошел с коня.

Молодые охранники удивленно переглянулись между собой.

– Зачем дервишу понадобился наш хозяин? – спросил по-тюркски один из них, видимо, старший по званию.

– Я гонец. Передайте ему, что я привез для него письмо из самой Бухары.

– Дай письмо мне, я передам его англичанину, – сказал старший.

– Нет. Я должен вручить сам, лично в руки. Так велел мой хозяин.

– А кто твой хозяин, такой же дервиш? – усмехнулись он и за ним другие.

– Солдат, ты задаешь много неразумных вопросов. Смотри, как бы не пришлось тебе раскисаться, ведь из-за любопытства можно лишиться службы.

В словах дервиша чувствовалась какая-то скрытая сила: должно быть, этот нищий не так прост. Тогда старший кивнул самому молодому, и тот спешно зашагал внутрь двора по дорожке, закинув ружье за спину.

Вскоре явился европеец лет сорока: рыжий, лицо в веснушках, одет подобно русским – светлый костюм и странная шляпа, словно чашу надел на голову. «До чего смешны и уродливы их наряды», – усмехнулся про себя дервиш.

– Это вы спрашивали меня? – заговорил англичанин с изумленным лицом. – Я Пит Эссер-тон, консул Британской империи. Слушаю вас.

Чужак говорил по-персидски, и это изумило гонца. Дервиш разглядел консула с ног до головы и сразу убедился – это именно тот человек. Таким его описал эмир: высокий, губы совсем тонкие, желтые волосы, тоненькие усики и серые глаза. Эссертон не раз бывал в Бухаре, и, по словам эмира, у них сложились дружеские связи.

– Я доставил бумагу от эмира Бухары.

– Ну, так давайте, – сказал консул.

– Он зашит внутри моего халата.

Консул на миг задумался: «Верить ли этому нищему, а вдруг его подослал наемник? Убийство английского дипломата может сейчас оказаться очень кстати – осложнит и без того сложную обстановку в регионе. А может, обыскать его, прежде чем заводить в резиденцию?» Но такой мысли англичанин сразу отказался – иначе сочтут его трусом. И Эссертон ответил:

– Проводите гостя в мой кабинет,

Два охранника повели гонца к зданию, и консул последовал за ними. Такие меры осторожности были тут явно не лишние.

Даврон шел по кирпичной дорожке к добротному дому, на крыше которого развевался какой-то флаг. «Видимо, английской страны», – решил гонец. Вокруг дома был разбит сад с водоемом и белыми клумбами в синих, желтых цветах. Но даже такая красота не тронула сердце дервиша: истинную радость он видел только в молитвах, то есть в общении с Богом.

Странного гостя завели в просторный кабинет консула, и охранники встали у двери. Сам же консул подошел к массивному письменному столу и обернулся к дервишу. За спиной англичанина стояли два створчатых шкафа, заполненных книгами и папками в ряд, а также фарфоровыми статуэтками и посудой.

Даврон молча снял с плеч халат, затем вынул из сапога кривой нож и разрезал ватную подкладку. Когда в руках дервиша появился конверт, консул сам подошел к нему и взял письмо. Уже в кресле Эссертон ножницами вскрыл конверт. И в самом деле на белой бумаге имелся герб Бухары. Он не раз получал такие письма от Алимхана. Тогда консул жестом предложил гостю сесть на один из стульев у стены.

Письмо было написано на английском языке, и Пит легко догадался, что это мог сделать лишь Виктор, русский полковник. Еще не начав читать, ему подумалось: «Видимо, дела у Алимхана плохи и он опять нуждается в оружии». Не сомневаясь в этом, консул принялся за письмо, которое начиналось так:

«Досточтимый друг мой Пит, который представляет могучую империю Великобританию! К Вам обращается эмир славной Бухары с необычной просьбой и рассчитывает на поддержку Британской короны. Как Вам известно, после революции в России наши страны значительно сблизились, и Великобритания последние годы помогала нам не только морально, но и посы- лала караваны с оружием. За что мы очень благодарны. С помощью этого оружия нам удалось

защитить Бухару от нападения ненавистных большевиков и даже разгромить армию комиссара Колесова.

Но за последние месяцы политическая жизнь нашего благодатного края сильно пошатнулась. Этот русский шайтан, Ленин, послал из России к границам Бухары большую армию своих красноармейцев. Наверное, вы уже знаете, что недавно они взяли Карши и кольцо вокруг Бухары сжимается, хотя сами большевики заявляют, что у них нет враждебных намерений против Бухары. Я не верю им. Сейчас в Самарканде они создают большую армию из мусульман России, которые готовятся к захвату Бухары. Нам также известно, что через два месяца большевики начнут наступление на Бухару. Однако на этот раз мы не уверены, что сможем остановить русских. Потому уже сейчас я должен обезопасить казну Бухары – это огромное количество золота. Сокровища Бухарского ханства, которые копились моими предками около двухсот лет, не должны оказаться в руках большевиков. Если даже они захватят мою страну, то это будет временным успехом, потому что большевики долго не удержатся у власти. Народ обязательно прозреет и скинет этих разбойников с престола. Тогда наша казна снова вернется в Бухару.

Друг мой Пит, прошу Вас и в Вашем лице Британскую империю взять на временное хранение казну Бухары. Если дадите добро, то через полтора месяца караван с золотом прибудет в Кашгар, в резиденцию английского консула. В таком случае я стану Вашим личным должником, и, конечно, такая услуга будет вознаграждена очень щедро.

Это письмо доставит мой верный слуга Даврон, дервиш, под правым ухом которого есть большая родинка. Это его примета. Он же доставит ответ.

Большой привет шлет Ваш друг Николаев.

Его величество эмир Бухары Саид Алимхан».

Мечта консула

Дочитав письмо, Эссертон опустил его на стол и задумался. Столь внезапная просьба эмира потрясла консула. На какое-то время он застыл в своем кресле. Эссертон являлся не просто консулом, он еще занимался сбором военных и политических сведений и, как разведчик, знал точную цифру золотого запаса Бухарского эмирата – это более десятка тонн золота, не говоря о драгоценных камнях. Без сомнения, такой вопрос будет решаться в Лондоне. И если правительство даст добро, то он обязан принять все эти сокровища в небольшом здании консульства. Для него это невероятная ответственность: сохранить казну чужого государства. И Пита охватило сильное волнение: сердце забилось с огромной силой, лицо стало горячим.

Вдруг один из солдат, стоявший у двери, закашлял. Консул очнулся и глянул на охранника как-то рассеяно, а тот с шумом высморкался в смятый платок. Эссертон вспомнил о гонце, который ждал ответа, как бы разглядывая под ногами персидский ковер.

Консул отпустил солдат, и один за другим они вышли из кабинета, хлопнув за собой дверь. Обычно англичанин ругал за это, но сейчас было не до них.

Эссертон взял со стола колокольчик и вызвал слугу. Дверь отворилась, и вошел пожилой человек с монгольской внешностью, одетый, однако, в европейскую одежду – светлые брюки, рубашку и даже при галстуке. Питу хотелось, чтобы и его слуга походил на европейца – это напоминало ему о родном доме в далекой Англии с ее чопорными слугами. Но этот восточный человек тяжело поддавался воспитанию. И вот он опять улыбается, склонив голову и прижав ладонь к груди, хотя Пит не раз напоминал, что лицо слуги не должно выражать ни радости, ни скорби. Но сейчас было не до условностей, и консул распорядился:

– Отведите приезжего в комнату для гостей и накормите как следует.

– О, почтенный консул, благодарю за гостеприимство, однако я не голоден.

Тогда консул отпустил слугу и сел рядом с дервишем, тихо заговорив:

– Я не могу сразу дать ответ эмиру. Это займет два-три дня, пока я свяжусь со своим правительством по телеграфу. Вам придется ждать. Скажите мне, где вы остановились, чтобы мой слуга смог найти вас, когда ответ будет готов.

– Я хочу остановиться в караван-сараях Абу Салима. Мы с ним давно не виделись, надеюсь, он жив и здоров.

– Знаю такого человека и его караван-сарай, он глава здешних дервишей. Даврон-бек, вы наш гость, личный посланник эмира. Чем могу быть полезен?

– Благодарю за заботу, и все же дервиши – народ скромный, и все, в чем мы нуждаемся, – крыша над головой и ломоть лепешки. Все это я найду в любом городе.

Английскому разведчику еще хотелось узнать у дервиша о событиях в Бухаре во всех подробностях, однако тот выглядел слишком усталым. И консул вызвал слугу звоном колокольчика и приказал проводить гостя до ворот.

Едва дервиш покинул кабинет, Эссертон вернулся к столу и перечитал письмо эмира. Волнение усилилось, и он погрузился в раздумье. Принять на хранение тонны золота – это весьма заманчивая идея. Жаль, что он сам не может принять решение о доставке бухарского золота в Кашгаре. Тем более за эту услугу эмир обещает ему лично достойное вознаграждение. «Эмир – щедрый правитель, особенно сейчас. Сколько это будет стоить? За свои услуги я могу выторговать миллион фунтов стерлингов – не меньше. Без этой суммы его казна не обеднеет. Да и зачем эмиру такое количество золота, которое без пользы веками хранится в подвалах эмирата, а ведь на него в Европе можно закупить оборудование и строить заводы. И тогда не нужно будет завозить товары из России. Черт с ним, это не мои проблемы – я должен думать о себе, тем более уже не так молод, скоро сорок. Кроме восточных приключений, до сих пор ничего не нажил. Если я получу миллион, то немедля брошу эту опасную службу и вернусь

в Лондон. Там займусь хлопковым бизнесом: построю текстильные фабрики и буду завозить из Туркестана дешевый хлопок. Только так смогу стать богатым человеком и жить в свое удовольствие, путешествуя по всему свету. Письмо эмира – это знак свыше, мой звездный час. Это награда за верную службу и преданность Его величеству. Другого такого случая не представится, и важно не упустить шанс».

Эссертон не сомневался, что его правительство окажет помощь эмиру и сохранит его золото до лучших времен. Тогда Бухара будет в вечном долгу перед Великобританией, и эти азиаты окажутся зависимыми от них. А это достаточно богатый край, хотя народ живет в бедности. По словам русских ученых, там имеются месторождения нефти – вот где настоящее золото!

От такой перспективы у Пита закружилась голова и лицо поплыло в улыбке. «По такому случаю должен выпить», – сказал консул. Из шкафчика он достал бутылку дорогого коньяка и рюмку. Выпил с большим наслаждением. Затем он принял вторую рюмку.

Когда дверь кабинета отворилась, Эссертон развалился на кожаном диване. В кабинет вошел помощник консула лет тридцати в слегка мятом костюме серого цвета.

– Пит, чему так радуется? В вашей жизни произошло какое-то важное событие? – спросил Роберт у шефа и присел на другом конце дивана. – Впрочем, позвольте мне самому отгадать причину вашего прекрасного настроения. Итак, можно предположить, что вас повысили в должности и скоро вы уедете в Лондон или в одну из европейских столиц. Я угадал?

– Хотя в твоих суждениях достаточно логики, и все же ты ошибаешься. Да, я тоскую по дому, но причина иная, – и шеф на секунду задумался: сказать коллеге правду или нет? – Сегодня день рождения моей матери, и, разумеется, я не мог не выпить. Вспомнил о доме, и стало на душе так радостно...

– Я тоже очень тоскую по Лондону, да просто по цивилизации. Было бы здорово вдруг очутиться за семейным столом, в кругу родных и друзей. Да, хотел спросить, что это за человек приходил к вам?

– Он из Туркестана, доставил мне письмо.

– Чего он хочет от нас?

Консул глянул на помощника с интересом и произнес:

– Когда станешь консулом, тогда и узнаешь.

– Извините, шеф, спросил без всякого умысла, как-то не подумав, – и Роберт поднялся с места, собираясь уйти.

– Ничего страшного, по молодости такое бывает. Подожди, Роберт, – остановил его консул, решив рассказать про письмо эмира.

Роберт все равно узнает, когда доставят сюда золото. Тем более, что через него пойдет шифрованное письмо в Дели, где находится резиденция английского вице-короля, который управляет английскими колониями в Индии.

– Роберт, присядь. По инструкции, я не должен сообщать обо всем, но в чужом краю мы обязаны доверять друг другу, – слукавил опытный разведчик. – Тут дело невероятной важности, и никто не должен знать о нем. Этот дервиш прибыл из Бухары и доставил письмо от правителя Бухарского эмирата.

Как только Эссертон рассказал о содержании письма, от удивления глаза Роберта загорелись, и он воскликнул:

– Вот здорово! Говорят, эмир сказочно богат. Это должен быть огромный караван, набитый золотыми монетами, самоцветами, слитками. Какие еще сокровища могут быть в его казне? Как вы думаете?

– Ювелирные украшения, золотая посуда.

– Интересно, а разрешат ли мне хоть одним глазком взглянуть на сокровища Бухары, чтоб рассказать своим домашним?

– Разумеется, ты все увидишь, пока казна будет находиться здесь, а после мы отправим ее в банк Дели.

– Пит, а среди сокровищ может быть шлем Александра Македонского, ведь его до сих пор не нашли? Здешние старики рассказали мне легенду о магической силе этого шлема: оказывается, кто завладеет им, тот станет в бою непобедимым. О такой удаче мечтает каждый азиатский правитель. Может, он хранится у эмира Бухары, ведь Александр прожил в тех краях три года и там же женился на местной княжне Роксане?

– Если б шлем был у него, эмир стал бы хвалиться, что обладает таким чудом. Во-вторых, если даже шлем у Алимхана, то эмир будет держать его при себе. Но кое-что мы сможем увидеть: эмир часто получал ценные подарки от других правителей, и чаще всего это были произведения искусства, усыпанные драгоценными камнями.

– До чего же нам повезло! – вскочил с места Роберт и принялся ходить по комнате.

– Роберт, успокойся. Давай, не будем торопить события. Вначале следует получить указание от правительства на размещение золотого запаса в консульстве Кашгара. Сейчас я составлю телеграмму, и ты отправишь ее. А пока иди к себе и настрой аппарат.

Спустя минут пять Эссертон зашел в шифровальную комнату с листком бумаги и поставил его перед помощником. Роберт сидел возле телеграфного аппарата. И прежде чем начать сеанс связи, консул зачитал свое донесение, где привел свои доводы в пользу принятия казны. «Кажется, убедительно», – ответил Роберт и стал отстукивать ключом, переводя буквы в точки и тире. От Кашгара до Дели путь был неблизким, и телеграммы отправлялись через три промежуточные станции, которые находились в горах Памира и Гиндукуша.

Отправив телеграмму, шеф предложил Роберту спуститься в прохладный сад и там поужинать за бокалом вина. У обоих дипломатов было хорошее настроение: такие события могут резко повлиять на их карьеру. Они не исключали, что после такого события имена двух скромных чиновников станут известны в самом правительстве, а это сулит повышение по службе. А если это попадет на страницы газет, то их имена станут известны не только всей Англии. Возможно, их назовут героями.

Под кронами молодых деревьев стоял круглый стол с нежно-голубой скатертью. Дипломаты отдыхали в плетеных креслах. Середину стола украшала изящная тарелка, в которой лежали куски запеченной баранины, рядом – салаты, фрукты и бутылка. Слуга разлил вино, их фужеры коснулись со звоном, и веселые англичане пожелали друг другу удачи.

В ожидании ответа

В ожидании ответа из Дели минуло два дня. Все это время Даврон пребывал в молитвах в обществе местных дервишей и бродил с ними по кварталам, базарам, а также посещал святые места, чтоб в молитвах коснуться духа святых имамов, богословов.

С волнением Эссертон ждал телеграммы от вице-короля. Отныне ни о чем другом он не мог думать, хотя в душе была уверенность, что ответ будет положительным. И по этой причине ему совсем не хотелось заниматься делами службы. Это сообщение могло в корне изменить его жизнь. И Пит вел праздный образ жизни. Утощая помощника вкусными блюдами, они засиживались с бокалами вина до ночи. Им было о чем говорить, особенно об английской истории и ее тайнах. В такие часы им казалось, что они в родной Англии.

Теперь по утрам консул вставал поздно, ближе к полудню – прежде не позволял себе такой беспечности. Затем в восточном халате Пит сидел в кресле и читал книгу, пока слуга не занесет ему кофе на серебряном подносе. Но и после этого консул не спешил покинуть спальню и снова принимался за чтение романа «Ярмарка тщеславия». Медленное чтение с раздумьями доставляло ему еще большее наслаждение.

На третий день пришла телеграмма из Дели. Было утро, когда Роберт принял телеграфную ленту и занес ее к шефу. Эссертон уже сидел в кабинете и наводил порядок среди документов, разложив папки на столе. Увидев в дверях Роберта с лентой в руках, консул воскликнул: «Наконец-то!» И у стола помощник стал читать: «Мы не можем принять золото Бухары, так как хранить казну в резиденции Кашгара опасно. Могут напасть бандиты, а у вас мало солдат. Мы не хотим нести ответственность за казну Бухары. Вам надлежит в вежливой форме отказать эмиру».

Как только Роберт закончил чтение, внезапно Эссертон залился громким смехом. Помощник глянул на шефа в недоумении. Что это с ним?! Чему веселится? Ведь их радужные мечты рухнули.

– Не удивляйся, дружище Роберт, я в здравом уме, – и лицо консула сменилось грустью.

Пит осознал: теперь ему не видать обещанного эмиром вознаграждения, а значит, он никогда не станет богатым, и все его великолепные мечты лопнули, как мыльный пузырь. Было ужасно обидно за свою неудачную судьбу. Конечно, Пит не мог об этом рассказать своему помощнику.

– Рассмеялся от того, – объяснил консул, – что, ослепленный золотом, я оказался слишком наивным, мечтая о славе, о высокой карьере. В самом деле, как я сразу не подумал: мы не сможем хранить такое количество золота в резиденции даже неделю. Здесь нет условий: ни сейфов, ни достаточной охраны. Здесь нет гарантии, что на нас никто не нападет.

– Я согласен с вами, – с грустью произнес Роберт и опустился на стул. – Сейчас вокруг Кашгара бродят банды разбойников, и если они объединятся и нападут на резиденцию, то нам не устоять.

– Если признаться, я рискнул бы. Пусть лучше золото достанется разбойникам, чем большевикам. Но, видимо, наверху решили перестраховаться, а точнее сказать, никто не захотел взять на себя ответственность, чтобы в случае неудачи не лишиться должности. Есть и другая причина. Если эмир удержится у власти или со временем вернется в Бухару, казну надо будет вернуть. Роберт, скажи честно, а как бы ты поступил?

– Я тоже не стал бы рисковать. В случае утери бухарской казны нашей стране придется возмещать ее в полной мере.

– Запомни, дорогой Роберт, плох тот политик, который боится рисковать, а таких трусов в нашем правительстве немало, и поэтому в английской политике одни неудачи. Надеюсь, этот разговор останется между нами?

– Без сомнения, слово джентльмена, – твердо заявил тот.

– Ладно, Роберт, иди к себе, мне нужно подготовить письмо эмиру. Да, если слуга вернулся с базара, отправь его ко мне.

Пит Эссертон понял: последняя надежда улетучилась, и вряд ли еще представится такой случай. На душе стало как-то пусто, не хотелось ничего делать, и он принялся расхаживать по комнате. Однако Эссертон имел сильный характер и смог подавить в себе чувство обиды, что являлось важным качеством для разведчика, и стал настраиваться на обычную работу дипломата: политические игры с местными эмирами, ханами, сбор секретной сведений информации о крае, отправка донесений в Дели и так далее.

– Мой консул, я к вашим услугам! – раздался веселый голос слуги.

Эссертон обернулся и увидел его в дверях. Слуга опять улыбался и кланялся по-восточному. Это разозлило консула еще больше.

– Почему твое лицо постоянно сияет? Чему ты радуешься, ведь живешь в нищете, в серости? – вскрикнул консул, и впервые слуга услышал грубый окрик хозяина – и разом побледнел.

Лицо несчастного застыло в страхе, он стал подбирать слова:

– Я... я счастлив, говорю вам истину, потому что имею работу, моя семья сыта. И все это благодаря вашей доброте. Да благословит вас Аллах и даст долгих лет жизни...

– А разве в этой жизни тебе больше ничего не надо? – уже спокойно спросил консул.

– Остальное, мой господин, уже Всевышний даст мне.

– Как все просто, оказывается. Ты немного успокоил меня. Извини, что резкий голос, сам не знаю, как это вышло. Да, вот зачем я вызвал тебя. Ступай в караван-сарай Абу Салима. Там ты найдешь дервиша Даврона, он из Бухары. Ты знаешь его – он был у нас три дня назад. Скажи ему, что я жду его.

С поклоном слуга удалился из комнаты. Консул же шагнул к шкафу, достал оттуда недопитую бутылку коньяка. На сей раз он выпил коньяк залпом, правда, без всякого радости, для облегчения души.

Консул вернулся к столу, чтобы написать ответ эмиру Бухары. Но прежде он открыл ключом металлический сейф, который был встроен внутрь письменного стола. Оттуда извлек печать и чистый лист бумаги с гербом Британской империи. Поставив перед собой стеклянную чернильницу, он приступил к письму со словами: «Досточтимый эмир великой Бухары! Получив Ваше письмо, я сразу связался со своим правительством и вскоре получил ответ от вице-короля. К огромному сожалению, Британская империя сейчас не в состоянии обеспечить сохранность казны Бухары и потому не сможет принять этот груз в резиденции английского консула в Кашгаре». Далее Эссертон во всех подробностях описал причины отказа, чтобы эмир не обиделся не только на английское правительство, но и лично на него.

А тем временем Даврон в сопровождении слуги консула быстро прибыл в резиденцию. Его завели в кабинет, и слуга удалился. Дипломат шагнул к дервишу и протянул ему конверт со словами:

– В случае опасности письмо уничтожить. А на словах передайте эмиру, что сейчас Англия не может ему помочь. Желаю вам удачного возвращения домой. Пусть ваша дорога будет светлой, да хранит вас Аллах.

Тайна гувернантки

Эмир ждал Даврона как никогда, потому что неделю назад в Самарканд прибыл еще один поезд красноармейцев – это казаки из Украины. Сомнений не было: большевики собирают там армию для похода на Бухару.

Любые сведения о движении «красных» эмир сразу же обсуждал с полковником Николаевым, который до революции служил в Генеральном штабе царской России.

– Ваше высочество, что случилось? Ваш слуга не дал мне даже помыться в бане, – спросил Николаев эмира, который сидел за огромным письменным столом в своем кабинете. На правителе был златотканый халат и шелковая чалма, сверкающая белизной. Полковник же никогда не расставался с мундиром русского офицера и двумя крестами на груди.

– Виктор, сядь ближе и слушай, что передает наша разведка, – сказал эмир по-русски с восточным акцентом. – В Самарканд прибыл еще один поезд с красноармейцами. Кажется, ты был прав: в скором времени они нападут на нас. Иначе, зачем собирать такую большую армию у меня под боком. Во время наших переговоров с большевиками комиссар Краснов обещал, что всех этих приезжих солдат из России скоро отправят в Ферганскую долину – против басмачей. Однако ни один солдат не сдвинулся с места. Зря я вел с ними переговоры, большевики обманули меня.

– Ты правильно делал, что вел переговоры: у нас просто не было выбора. Ко всему мы выиграли время. За этот год нам удалось подготовить часть своих солдат и от англичан получить оружие.

– Скажи честно, мы удержим Бухару? Все-таки у нас большая армия...

Николаев задумался: сказать Алимхану правду, но тогда эмир совсем падет духом, перестанет заниматься подготовкой армии, и большевики возьмут Бухару без боя.

– Виктор, скажи мне правду, как другу.

– Алимхан, у нас мало шансов. Хоть наша армия и большая, но «красные» хорошо обучены, многие из них прошли Первую мировую и имеют опыт гражданской войны. К тому же большевики смогли заразить красноармейцев идеей борьбы против богатых – у них высокий боевой дух.

– О чем ты говоришь, – недовольно произнес эмир, – какой такой дух-мух! Скажи честно, чем мои солдаты хуже, ведь большевики – это просто безграмотные разбойники.

– Хорошо, скажу тебе правду. Да, большевики – это сброд, разбойники, но ради своей идеи они готовы погибнуть. А в глазах твоих солдат пустота, они не хотят гибнуть за эмира. Пойми, бухарским солдатам нужна идея, ради которой они готовы сложить головы. Это очень важно.

– О какой такой идее ты болтаешь, никак не пойму, может, моему народу предложить идею европейской демократии? – усмехнулся эмир в кресле.

В комнате было жарко, и он распахнул халат, под которым виднелась голубая шелковая сорочка, обтягивающая большой живот.

– Надо сильно напугать наших солдат и таким образом расшевелить их, – дал совет полковник. – То есть каждый день внушать солдатам, что если Советы придут в Бухару, то будут насиловать их жен, дочерей, отменят ислам и обычаи предков. Как ты думаешь, тогда появится у них своя идея – защитить свой дом, свою религию?

– Вот теперь твоя мысль стала понятна. Это забавная идея, надо поразмыслить.

– Уверен, тогда солдаты будут сражаться до конца и не сбегут с поля боя..

– Ну что ж! Пусть будет по-твоему. Ради спасения Бухары я готов на все. Я думаю, в этом деле нам помогут муллы и дервиши. О, Аллах, помоги нам!

– Даврон еще не вернулся? – поинтересовался Николаев.

– Пока нет. Сам жду, нервничаю, не нахожу себе места.
– Будем надеяться, что на днях появится.
– Да, сегодня день рождения Наташи, и по этому случаю я велел накрыть стол в русском зале.

– Гостей будет много?
– Какие гости в такое-то время? Будут только свои, да и делаю это только ради нее. Одним словом, будет тихая вечеринка. Сейчас не до пышных торжеств. Через час приходи в Русский зал, а пока у тебя будет время подыскать Наташе подарок. Не скупись, она любит дорогие подарки, тем более, что здесь ты ее единственный друг и почти как брат.

– В таком случае я отправляюсь за подарком. Хорошо, хоть есть такие радости.
– Только прошу, Виктор, не пей много водки, а то потом ты становишься каким-то скучным.

– Это революция сделала меня таким, она лишила меня большой карьеры, а затем и родины. И все же ты прав, надо держать себя в руках. Надеюсь, еще вернутся прежние времена, и стану я генералом русской армии.

– Об этом я тоже молю Аллаха.

Полковник ушел от эмира в хорошем настроении: его радовала предстоящая вечеринка в компании с Наташей – женой эмира. Здесь она была единственной русской женщиной. Однако Николаев, как русский военный специалист, был здесь не одинок, кроме него, в бухарской армии служило еще два русских офицера.

У парадного крыльца резиденции его ждали два бухарских солдата – личная охрана советника. Оба в белой шелковой рубашке, красных штанах и папахе. По бокам у каждого из них свисали кобура с маузером и сабля. Их приставили к полковнику полгода назад, когда какие-то люди, должно быть, агенты большевиков, стреляли в него на базаре. Ни одна пуля не попала в советника, однако погиб десятилетний мальчик, который торговал сладостями на подносе, расхаживая между рядами. Одна из пуль попала мальчику в голову. Нападавший был на лошади, и ему удалось скрыться. С тех пор эмир запретил Николаеву находиться в одиночестве.

– Поехали на базар, к ювелирам, – бодрым голосом скомандовал Николаев, и солдаты поскакали за его конем.

У ворот базара они сдержали своих лошадей. Охрана оглядывалась вокруг, как бы какой-нибудь бандит не выстрелил из толпы в этого важного русского полковника. Тогда эмир не пощадит их. Тем более, что повелитель уже заявил им: если они прозевают убийцу, то будут брошены в зиндан на долгие годы.

Когда всадники приблизились к ювелирным рядам, в лавку еврея Дауда первым зашел старший охранник, за ним полковник. В тесной комнатке возле прилавка стоял богатый мужчина в златотканом халате и поясе, украшенном драгоценными камнями. Рядом стояла его жена в синей парандже, вместе с которой он разглядывал набор колец на красной бархатной подушечке.

Увидев Николаева, худое лицо Дауда растянулось в улыбке: как-никак пожаловал близкий человек самого эмира, от воли которого здесь многое зависит. Евреи всегда нуждались в таких заступниках. К тому же этот русский – щедрый клиент.

– О, какое счастье видеть такого именитого господина в лавке бедного еврея. Как поживает наш досточтимый военачальник, который подобен великому Амиру Темуру? Лесть ювелира оказалась советнику не по душе, и он резко прервал его:

– Давид, смотри, не переусердствуй. У нас, у русских, есть пословица: кашу маслом не испортишь. Однако ты способен испортить эту кашу.

– Я понял ваш намек и искренне рад, что мои слова вам неприятны. Это у меня по привычке. Я тоже не люблю себя за лесть, но мы вынуждены это делать, дабы спокойно жить среди

мусульман, – почти шепотом сказал Дауд и бросил испуганный взгляд на богатого мусульманина с женой, которые еще разглядывали товар. Кажется, те не слышали его – они просто не могли оторваться от золотых колец и перстней.

– Давид, мне нужно красивое женское украшение, – сказал Николаев и, наклонившись к ювелиру, тихо пояснил: – Это подарок для русской жены эмира, у нее день рождения. Есть ли у тебя что-нибудь для такого необычного случая?

– Что же вам предложить? – задумался ювелир. – Как я понимаю, это должно быть что-то изящное, дорогое и, конечно, с бриллиантами...

– Будет хорошо, если это украшение будет иметь еще и историческую ценность. Скажем, перстень Биби-ханым, жены легендарного Темура.

– О, полковник, до чего у вас богатый аппетит. Я весьма сожалею, но такие уникальные вещишки крайне редко оказывались в моих руках, хотя между ювелирами ходят разговоры, что якобы имеется перстень самого Македонского и Чингисхана. Сам я мало верю таким разговорам. И все же для истинных ценителей старины у меня кое-что есть.

Ювелир обернулся и взял с полки жестяную коробочку из-под индийского чая. Дауд извлек оттуда серебряное кольцо, которое своим видом сразу разочаровало полковника: на нем не было бриллианта, а вместо него – бирюза, и вокруг – тонкий резной узор.

– Обратите внимание, – мягко сказал Дауд, – какая изящная вещица, не правда ли?

– Но на ней нет драгоценного камня.

– Согласен с вами, почтенный советник. Тем не менее это – бесценная вещь, она украсила палец знаменитой поэтессы Нодира-бегим, которая жила в этих краях. К тому же она правила Кокандом, разумеется, после смерти мужа. Верьте мне: это подлинное кольцо. Я его выторговал за большие деньги у внука поэтессы. Должен сказать, такое мог сотворить только именитый мастер. И самое главное, загляните внутрь, там имеется надпись: «Нодира-бегим».

Такие слова не могли не заинтересовать Николаева. Он взял кольцо и с любопытством стал разглядывать, а в голове крутилась мысль: «Может, этот еврей подсовывает мне фальшивку? Здешний народ не гнушается обмана. Но евреям можно верить: они отличаются честностью». Николаев поднял голову и заметил любопытные взгляды двух богатых супругов, которые вытянули свои носы в сторону полковника.

Николаев улыбнулся им, затем заговорил с ювелиром: «Беру его, сколько просишь?»

– Зная вас, как частого клиента, готов уступить за десять золотых.

– Давид, ты слишком завысил цену, тебе не кажется?

– Помилуйте честного еврея, эта вещь стоит того. И лишь такой образованный человек, как вы, способны оценить ее по достоинству.

– Ладно, возьму, – и советник вынул из кармана кителя мешочек золотых, отсчитал монеты и опустил их на прилавок.

Счастливый ювелир забрал деньги с легким поклоном. Стоявший у двери охранник был поражен, как можно отдать такие огромные деньги за женское украшение, тем более из серебра.

– Да, вот еще что, Давид, можешь найти мне красивые розы? – спросил Николаев.

– Такие цветы в Бухаре не продаются.

– Я и без тебя это знаю. Может, у тебя имеются знакомые, у кого во дворе растут сорта роз редкой красоты, каких нет во дворце эмира. Я хорошо заплачу.

– Рад вам услужить, но для этого нужно день-два, пока мы опросим людей.

– У меня нет времени. Ладно, обойдемся без цветов.

Хозяин лавки вышел за советником и уже на улице, когда военные садились на лошадей, жалостливым голосом еврей сказал:

– Уважаемый полковник, прошу вас, не говорите эмиру, что это кольцо купили в моей лавке. Сначала я как-то не подумал об этом, а вот теперь стало страшно. Дело в том, что

дедушка нашего милосердного эмира Алимхана в свое время захватил Коканд и казнил непокорную поэтессу Нодиру-бегим. Как бы это не обидело нашего правителя.

– Не переживай. У эмира есть дела куда важнее, чем карать какого-то ювелира из-за такого пустяка.

В указанный час Николаев вернулся в Арк и там, у входа, заглянул в деревянную будку сапожника, который чистил сапоги до блеска. В приемной его встретил секретарь, быстро поднявшись со стула.

– В русском зале гости уже собрались? – спросил Николаев.

– Пока только Наталья-ханум со слугами, она готовит праздничный стол. Госпожа велела никого не впускать туда, даже самого повелителя. Право, я не представляю себе, как осмелюсь сказать такое нашему великому эмиру. Прошу вас, господин советник, помогите в этом деле. Может, сами скажете ему о наказе госпожи?

Николаев улыбнулся и согласно кивнул головой. В это время дверь распахнулась, и возникла тучная фигура эмир в сопровождении двух охранников. Он уже сменил наряд – голубой халат с золотыми узорами, пояс, усыпанный бирюзой, лазуритом и крупными рубинами. На плечах – генеральские погоны России, а на груди красовались три звезды, российские ордена, а всего он получил от царя шесть. Такие украшения ему нравились с юношеских лет, когда впервые оказался в Москве.

Его охрана застыла у дверей, сам же эмир подошел к Виктору и, улыбаясь, спросил по-русски:

– Где наша именинница?

– Уже в зале, однако, она просила пока не входить туда. Наташа украшает стол и сказала, что сама пригласит нас.

– Мне тоже ждать ее разрешения? – засмеялся эмир и почесал свою бороду. – Не малых трудов мне стоит ее перевоспитание. Никак эта женщина не может привыкнуть к тому, что жены не должна повелевать своими мужьями. Хорошо, хоть остальные не командуют мною. Но сегодня она именинница, и я прощаю такую дерзость.

Мужчинам пришлось ждать недолго. Двери русской залы распахнулись, и эмир с военным советником вошел в большую комнату. Возле овального стола стояла молоденькая женщина в белоснежном наряде, с бантами и в шляпке, как одеваются модницы Европы. Наташа встретила мужчин с открытой улыбкой хозяйки и хотела поклониться по-русски, широко, размашисто, однако для беременной женщины это оказалось непросто, и она ограничилась легким наклоном. Затем сказала:

– Дорогие гости, прошу вас к столу на именины, почувствуйте себя как дома.

По ее волнуемому голосу чувствовалось, как ей приятны столь исконно русские слова, от которых веет Россией и домом.

Сияющая белизной скатерть, немецкий сервиз с рисунками замков, лесов, рек и озер произвели на Николаева самое радужное впечатление. Они напомнили ему не только Россию, но и Берлин, и Лондон, где ему довелось работать и жить. Ах, как хотелось ему сейчас очутиться в тех местах, но кому он нужен там: без работы, без денег.

Эта сценка пришлась по душе и Алимхану. Ему тоже наскучила унылая Бухара и хотелось разнообразить жизнь, хоть на время, чтоб не думать о политике, которая изрядно утомила его. Тем более по складу своего характера он всегда мечтал о тихой, беззаботной жизни. Но обстановка вокруг Бухары становилась все тревожнее, близилась война. Поэтому эмиру нужно было хоть на время отвлечься.

– Господа, прошу вас садиться, – сказала хозяйка. – Сегодня все блюда нашего стола состоят из русской кухни. Хотелось, чтобы это застолье напомнило мне о моем доме, когда наша семья собиралась за круглым столом.

– Ты так жалостливо говоришь, что можно подумать, тебе здесь плохо живется, – шутливо сказал Алимхан и первым опустился в кресло. Вслед за ним за стол сели его жена и полковник.

– Я не жалуясь, – решила возразить Наталья. – Здесь хорошо: тепло, сытно, живу в роскоши, но в жизни есть такие понятия, как... – и не успела закончить свою мысль, как Николаев прервал ее.

Виктор знал, что простодушная Наташа сейчас будет возражать эмиру, а это ему не понравится. Тогда вечеринка может быть испорчена, потому что сердитый Алимхан обругает жену и даже может уйти из-за стола. Такое бывало с ним.

– Господа, я осмелюсь прервать вас, – сказал Николаев, – и напомнить о том, что наша именинница ждет наших подарков.

– Ты это верно заметил, не будем мучить мою женушку, – согласился эмир и тяжело поднялся с места.

Затем эмир засунул руку в халат и извлек оттуда красную бархатную коробочку. И прежде чем вручить подарок, он чмокнул любимую жену в щечку и произнес: «Я желаю моей Наташеньке крепкого здоровья, чтобы она родила мне сына. В своих молитвах я не раз просил об этом Всевышнего и надеюсь, он услышал мольбу своего верного раба. Может быть, в твоём животике уже сидит наш сыночек?»

В ответ Наталья не молвила ни слова, более того, с лица сошла улыбка. Что-то ее расстроило. Полковник заметил это, выпив рюмку водки. Лишь он один знал причину ее настроения. А точнее, тайну, о которой не догадывался эмир.

Однако Наталья быстро очнулась, и к ней вернулась улыбка. «Благодарю вас за пожелания», – ответила она и приготовилась к подарку. Эмир часто одаривал ее дорогими украшениями. Из-за этого другие жены эмира возненавидели ее еще больше, и Алимхан поселил жену-христианку в отдельном доме вне гарема. Этого хотела сама Наталья, боясь быть отравленной соперницами. Когда она поделилась своими опасениями с мужем, Алимхан громко рассмеялся и назвал это глупой фантазией, взятой из русских романов.

Наташа открыла бархатную коробочку, и перед ее взором засверкали золотые часики на длинной цепочке, усеянные мелкими алмазами.

– Какая очаровательная вещица, – восхитилась жена, – должно быть, они стоят огромных денег!

Наташа надела цепочку на шею и кокетливо спросила:

– Ну, как я выгляжу?

– Bravo! Великолепно! – воскликнул полковник, и мужчины одобрительно захлопали.

– Ты стала еще красивее, – похвалил эмир. – Между прочим, эту вещицу мне подарил один английский министр от имени своего короля. Вот эти часики и пригодились. А теперь очередь за Виктором. Чем ты порадуешь именинницу?

Полковник поднялся с места и заговорил:

– Разумеется, я не могу сделать такой роскошный подарок – все-таки я не эмир, – и за столом все рассмеялись, – но буду надеяться, что и моя вещица обрадует именинницу, хотя она намного скромнее, но зато оригинальна.

И Николаев протянул Наталье серебряное кольцо. Пока женщина с любопытством разглядывала его тончайшие узоры, советник рассказал историю украшения. Такая необычная вещь удивила и эмира. Он взял ее из рук жены и стал изучать, особенно надпись. Алимхан подтвердил, что там написано «Нодира-бегим», и вернул кольцо Наташе, которая сразу надела его на палец.

– Алимхан, правду говорят, что твой дед казнил эту поэтессу? – спросил опьяневший Виктор.

– Да, было такое, – нехотя признался эмир и добавил: – Она сама виновата... Поэтесса оказалась слишком дерзкой на язык и наговорила моему деду всякие плохие слова, одним сло-

вом, она разгневала его. Какой бы умной, богатой, красивой ни была бы женщина, ей не следует забывать о своем месте в этом мире. К тому же эта давняя история. Не стоит осуждать моего предка, все-таки он был сыном своего времени. Я читал стихи Нодиры, и, должен признаться, они тронули мое сердце. Конечно, моему деду в делах политики не хватило сдержанности, культуры. Дело прошлое, и не стоит об этом говорить. Я желаю сказать тост, – и эмир встал с бокалом вина.

– Хочу выпить за мою Наталью, дабы эта женщина всегда оставалась столь же красивой и радовала мою душу. Конечно, нынче она беременна, немножко подурнела – так говорят по-русски, – но это ничего, все-таки скоро станет матерью. Надеюсь, будет сын. Одним словом, за красоту моей жены!

Эмир осушил хрустальный бокал до дна, и Николаев отметил про себя: «Последнее время Алимхан стал много пить. Видимо, ищет себе утешения от надвигающейся беды. Жалко его. Все-таки он не такой деспотичный, как другие. Чтобы провести в Бухаре экономические реформы ему явно не хватает ни воли, ни образованности. Однако это его личное дело. Самое главное, эмир щедро платит мне за службу».

Алимхан остался верен юношеской дружбе, а Николаев высоко ценил это качество в мужчинах.

– Вот, испробуйте эти блинчики, я сама их пекла, – и Наталья положила один в тарелочку мужа.

Лицо эмира засияло, и он попросил положить ему еще, сказав:

– Положи мне еще, ты же знаешь, как я их люблю.

– Нет, больше не дам. Я должна беречь тебя, ведь твой живот растет не по дням, а по часам. Он стал больше моего.

Все рассмеялись, но громче всех хохотал эмир, что на глазах выступили слезы.

Все принялись за блинчики. Эмир ел, причмокивая от удовольствия и качая головой:

– Ах, как вкусно! Вот за это, моя дорогая, спасибо тебе. Но, скажу честно, в кадетском корпусе готовили лучше, и я всегда просил добавку. И мне давали, да разве могли отказать сыну эмира.

– О, мне так приятна ваша похвала. В таком случае я положу вам еще блинчик, – улыбнулась Наталья и хитро мигнула глазом советнику.

Алимхан взялся за второй блинчик, откусил кусочек – и вдруг на его лице появилось изумление. Из рта он извлек одну, а затем вторую золотую монетку и стал их разглядывать, недоумевая, как они очутились в еде.

Первой засмеялась Наталья, а за ней другие, и всем стало ясно, чья эта проказа.

– Это просто очаровательная шутка! – воскликнул Николаев и захлопал в ладоши:

– Bravo! Bravo!

Эмир сделал серьезное лицо:

– И без того злые языки болтают, что я в золоте купаюсь, а теперь, оказывается, эмир еще и ест его. Надо сказать, на вкус оно неприятное. Не буду больше есть золото.

Веселый смех опять разнесся по залу, на стенах которого висело несколько картин с видами Петербурга, Москвы и русской природы.

К сказанному Алимхан добавил:

– Такую же шутку устроил и наш Насреддин Афанди, когда из пирожков бедняка стали выходить золотые монеты, и люди кинулись скупать его товар, но ничего не нашли. Между прочим, Насреддин – мой любимый герой, несмотря на то, что ему не раз доставалось от правителей Бухары. Признаться, мне иногда стыдно за моих предков-тиранов. Я же простой человек и желаю себе и народу тихой, мирной жизни, а мои враги делают из эмира злодея, тирана. Какая несправедливость! Да, у меня имеются кое-какие недостатки – и в этом искренно каюсь. Первое дело – пью вино, второе – люблю женщин. Зато все женщины довольны мною.

– И как тебе удается с огромным животом? – заметила в шутку жена, и веселый смех разнесся по залу.

– Я боюсь, что однажды раздавлю одну из жен насмерть. Потому что в таких делах мусульманки так скромны, что будут молчать до самого конца.

Давно эта компания так не веселилась. Затем эмир вспомнил об имениннице и снова дал слово другу для тоста. Виктор взял графин за горлышко и наполнил во все бокалы, а себе – водки. Он пожелал Наталье Ивановне хорошего самочувствия и легких родов. Полковник говорил как-то вяло, хотя его душа была полна глубоких чувств. Одним словом, тост получился сухим, неярким. Но не будь здесь эмира, его слова звучали бы совсем по-иному. Ему было что сказать этой очаровательной женщине. И Наталье это было известно, и поэтому ее глаза сияли.

– Господа, не кажется ли вам, что для полного веселья здесь чего-то не хватает? – спросила Наталья и вопросительно глянула на мужчин. – Ну-ка, угадайте! Эмир задумался и принялся разглядывать стол. Затем широко улыбнулся:

– На нашем столе не достает красной икры, но про него лучше забыть: Каспий в руках большевиков.

– Не угадал, и все потому, что у моего мужа на уме только еда и политика. А что скажет наш вояка Николаев?

Тот стал оглядываться по сторонам. Затем встал с кресла и молча направился к столику, на котором стоял патефон. Покрутив ручку музыкального устройства, он опустил на черную пластинку «головку» с иглой. Сначала донеслось шипение, а за ним полилась по комнате музыка Штрауса. От радости Наталья захлопала в ладоши, вторя: «Браво! Браво! Я-то была уверена, что в голове наших мужчин лишь политика. Давайте танцевать!»

– Танцевать? Это хорошая мысль, как я сразу не угадал? Видимо, ваш эмир стал стареть, – произнес эмир и, тяжело дыша, вылез из кресла, затем пригласил жену на медленный танец, сказав. – Да, с таким животом не потанцуешь, особенно вальс.

– Ничего страшного, – ответила Наталья, танцуя, – теперь мой живот не меньше вашего. Это не вальс, а танец животов.

Все рассмеялись. И в самом деле животы супругов держали их на расстоянии. Но даже такие движения доставляли радость. Эмир научился европейским танцам в России, учась в кадетском корпусе. Но с годами он стал их забывать: в Бухаре не с кем было танцевать. И только приезд Натальи в 1917 году в качестве гувернантки позволил эмиру вернуться к забытым танцам. Об этих репетициях никто не знал, кроме верных слуг и чиновников из российского консульства в Бухаре, которые в те годы были здесь частыми гостями. Кроме них бывали агенты торговых фирм России, которые осваивали азиатский рынок.

Когда в России грянула революция, отец Натальи Сомовой, средней руки коммерсант, торговавший швейными машинками «Зингер» по городам Туркестана, оказался в нищете и не знал, как прокормить свою большую семью из пяти человек. А жили они в Москве. Большевики отняли у Сомова все деньги и товар. Наталья, старшая из детей, окончив университет, была готова на любую работу, лишь бы не видеть нищенское существование семьи. И как-то ее дядя, который находился в Бухаре по торговым делам, написал брату письмо. Он звал племянницу во дворец эмира для обучения детей правителя русскому языку и другим наукам. Со страхом в сердце Наталья отправилась на поезде в далекую, чужую Азию.

С первой же встречи эмир влюбился в эту русскую девушку и стал оказывать ей знаки внимания, делая дорогие подарки. Так прошел год. И после мучительных раздумий Наталья согласилась стать новой женой эмира – при условии, что ее семья в Москве не будет ни в чем нуждаться. Церемония свадьбы была весьма скромной, с участием пяти приближенных ко двору. Это событие держалось эмиром в секрете, и на то имелась серьезная причина: мусульманский народ будет не доволен женитьбой правителя на женщине из кяфиров. Этим могут воспользоваться тайные враги эмира, которые и без того распускают о нем грязные слухи, назы-

вая его вероотступником. Сейчас это очень опасно. Такие настроения могут толкнуть народ к смуте. Однако любовь Алимхана оказалась сильнее, ему трудно было устоять перед красотой светловолосой девушки. Венчание проходило в мечети на территории Арка. Там было безлюдно, когда к входу подъехали две коляски. Эмир весь сверкал в золотистом халате, а невеста была укрыта ярко-синей паранджой. Через минуту жених и невеста уже сидели на ковре напротив муллы, который держал в руке большой старинный Коран. Так как лицо невесты было закрыто, мулла не мог и помыслить, что перед ним сидит христианка. Когда же девушка назвала свое имя, мулла крайне удивился и еще раз переспросил, не поверив своим ушам. Но эмир тихо пояснил: «Не удивляйтесь, святой отец, она русская. Спокойно продолжайте свое дело».

– Но, мой повелитель, может, в таком случае невеста желает сменить веру и стать мусульманкой, как ее мужу? Позвольте мне спросить у нее об этом?

Эмир кивнул головой в знак согласия. Однако на такой вопрос невеста ответила: «Нет». Это не удивило Алимхана: накануне свадьбы они уже говорили об этом, но эмир надеялся, что в мечети невеста может изменить свое мнение.

С того дня прошло около двух лет. Наталья жила в одиночестве в своем доме. Жила замкнуто и, кроме мужа, полковника Николаева и случайных гостей из России и Англии, никто там не появлялся.

После этого танца эмир выразил желание повторить ту же музыку, Виктор опустил «головку» к началу пластинки, и он с женой продолжал неуклюже вальсировать. С бокалом вина Виктор наблюдал за ними.

В это время дверь залы тихо отворилась, и на пороге застыл секретарь в шелковом халате. Он ждал, пока эмир сам заметит его. Было очевидно, что секретарь явился с очень важной вестью, иначе не смел бы... Саид Алимхан был в самом благодушном настроении и обратил на него внимание лишь после танца, когда именинница вернулась к столу.

– Что еще случилось? – недовольно спросил эмир.

– Ваше высочество, в приемной комнате сидит Даврон.

– О, наконец-то прибыл, – легко вздохнул эмир и обратился к советнику:

– Виктор, побудь с именинницей и не давай ей скучать. Я скоро приду.

Николаев вернулся к столу. Наташа поинтересовалась у него, что за важная птица прибыла, если эмир так спешно удалился.

– Ничего особенного, просто гонец доставил важное письмо. Лучше не знать о таких делах, а то Алимхан может подумать, что ты стала шпионкой большевиков. Именно по этой причине он выгнал из своей страны некоторых русских советников.

– Последнее время он стал злым, нервным, раньше не был таким, – вздохнула Наталья. – Давай не будем говорить о политике, все-таки сегодня мой день. Лучше налей мне немного вина и скажи тост, что ты не мог сказать при Алимхане.

Виктор поднялся с бокалом красного вина:

– Дорогая, это я сделаю с великим удовольствием. Я хочу, чтоб в твоей душе никогда не угасла любовь ко мне. Рядом с тобой я обрел счастье. Ты знаешь, после двух лет войны с «красными», потеряв родину, волею судьбы я оказался здесь. Казалось, в жизни уже не осталось места для радости – и вдруг чудесная встреча с родственной душой. И чем больше мы виделись, тем сильнее разгорался огонь любви в моем сердце. И тогда мне стало ясно: ты моя жизнь. Значит, моя жизнь еще не прошла. Правда, случилось это не так романтично, как хотелось...

– Я помню тот день, – прервала она. – Это было год назад именно в этом зале. В тот вечер вы с эмиром хорошенько напились. Алимхан заснул прямо здесь, на диване. Помню, мы с тобой стояли у того окна и беседовали, как внезапно ты опустился на колени и начал признаваться в любви. Говорил как-то нескладно, но от всей души. Вначале я испугалась, ведь мог

проснуться эмир, и тогда оставшиеся дни ты провел бы в зиндане. Затем ты обнял меня со всей страстью. Что мне оставалось делать, ведь я сама была влюблена. Мои чувства оказались сильнее страха, я словно лишилась ума. Мы долго целовались, к счастью, эмир так и не проснулся... Извини, что прервала твой гост.

И Виктор продолжил:

– Я благодарю тебя за нашу любовь. Ты спасла меня от пьянства и дала надежду на новую жизнь, особенно здесь, в чужом краю.

– Те же слова могу сказать и я. Здесь ты единственная близкая мне душа, и не представляешь, как бывает приятно слышать из твоих уст родную речь – это словно весточка с родины. Мы нужны друг другу.

– За нашу любовь! – торжественно произнес Виктор, и два бокала со звоном коснулись.

Затем Виктор поцеловал ее нежные губы. От счастья Наталья все-таки позволила себе выпить до дна, хотя знала о пагубности вина для беременных женщин. Но этот день был столь прекрасным, что не хотелось ни в чем отказывать себе. Опустив бокал на стол, она вспомнила:

– В этой супнице настоящий борщ, давай положу тебе, а то остынет. Повара готовили по моему рецепту. Думаю, тебе понравится.

– Хотя уже сыт – не откажусь, все-таки родное. Знаешь, на Украине сюда добавляют сахар, и поверь, становится вкуснее.

Когда их тарелки опустели, Наталья еще о чем-то вспомнила:

– У меня есть пластинка с романсами Шаляпина, ее принес мой торговый агент, один хитрый еврей. Он доставил ее из Европы через Турцию и, конечно, пластинка стоит больших денег, но эмир не скупится, и я благодарна ему за это. Он чувствует, что я тоскую по родине.

– Есть вести от твоих родителей?

Наталья рассказала, как ее родителям удалось бежать из России. Нынче они осели на окраине Парижа – там земля дешевле – и развели большой огород. Правда, найти работу, говорят, очень трудно.

– Но твой отец коммерсант – не пропадет.

– Самое главное – моей семье уже не грозит опасность, а деньги я найду. Сейчас я поставлю тебе пластинку.

– Позволь сделать самому. В твоем положении нельзя много ходить.

– Это ошибочное суждение. Напротив, когда я двигаюсь, чувствую себя лучше. Сейчас мы будем опять танцевать, и прошу тебя, не пей много вина, – уже серьезным тоном сказала именинница.

– Слушаюсь и повинуюсь, моя Шахерезада, – и Виктор направился к патефону.

По залу разнесся могучий голос Шаляпина.

Они сидели на черном диване и с трепетом в душе слушали великого певца. Его могучий, чистый голос брал за душу и уводил их в русский лес, к Волге-матушке или в зимушку-зиму.

У Натальи на глазах выступили слезы. В это время открылась парадная дверь. Вошедший секретарь тихим голосом сообщил:

– Господин Николаев, вас зовет эмир, – и он так же бесшумно удалился.

Полковник встал и обратился к даме с легким поклоном.

– Наташа, меня ждут по очень важному делу. Мы скоро придем. Не скучай.

– Я буду ждать. Так хочется еще выпить, потанцевать от души... ну ладно, иди.

Когда Николаев вошел в кабинет эмира, Даврона уже не было. Перед правителем на столе лежало открытое письмо. Сам эмир был взволнован, и кажется, уже полностью трезв. Советник опустился рядом с ним.

– Виктор, вот письмо Эссертонна. После этого я даже не хочу называть его другом, все они друзья только на словах или когда им что-то надо от меня.

Обиженный эмир взял письмо, написанное на фарси, и прочитал советнику. Затем бросил его на столик.

– Алимхан, успокойтесь, англичане по-своему правы. Они страхуются, а это у их чиновников в крови. Признаться, резиденция Эссертонна – не самое подходящее место.

– Хорошо, в Кашгаре хранить казну опасно, согласен, но разве нельзя через месяц приехать в Кашгар большой отряд английских солдат и увезти золото в банк Дели?

– Это еще опаснее, чем хранить его у Эссертонна. Путь в Индию лежит через несколько стран, и там немало сильных племен, которые непременно нападут на сказочно богатый караван. Вы думаете, английские солдаты будут стоять насмерть, защищая деньги чужого царя? А если послать наших солдат, они тоже ненадежные, да и в военном деле еще слабы.

– А ты для чего здесь, ведь я плачу тебе больше, чем своим министрам, – упрекнул эмир с возмущенным видом. – Научи моих солдат хорошо стрелять.

– Алимхан, не стоит обижаться на мои правдивые слова, не могу я лукавить, как твои министры. Но боевая армия создается годами – здесь я чуть больше года. Служу тебе по совести и кое-чему уже научил твоих солдат.

– Ладно, не обижайся на меня, я это сказал... сам все понимаешь, – сказал эмир уже миролюбиво. – Эх, если б я мог предвидеть, что в России случится революция и что большевики будут угрожать Бухаре, то еще десять лет назад стал бы готовить свою армию.

– Поверь мне, для хорошей армии и этого срока мало.

– Значит, все происходящее ниспослано мне свыше, и надо смириться, – обреченно вздохнул эмир.

– Алимхан, нельзя падать духом, нужно искать хоть какой-то выход. Сейчас тебе нужно думать о дальнейшей судьбе казны. Имея деньги, можно будет со временем вернуть трон.

– Голова идет кругом. Как надоела эта политика! Я хочу тихой и спокойной жизни.

– Алимхан, нас ждет Наташа. Может, слегка успокоишься, а завтра займемся делами?

– Мне совсем ничего не хочется. Никакая еда не полезет в горло, никакое вино не сделает меня веселым, и даже женщины не помогут. Ты иди к ней один, чтобы совсем не испортить праздник. Немного поговори с Наташей, она любит, когда с ней говорят по-русски. Затем проводи ее домой, она уважает тебя как брата. А тем временем я соберу своих министров, и мы будем думать о том, как поднять дух народа на случай войны с большевиками. Надобно сделать так, чтобы уже сегодня наши люди стали ненавидеть Советы, как чуму. Еще мы освободим народ от многих налогов, чтобы они поверили в справедливую власть своего эмира и встали на его защиту, не боясь смерти.

– Это трезвая мысль: армия и население должны быть едины и готовы к войне, они должны верить в свои силы и победу над Советами. Тогда Бухара, может, устоит, хотя при этом жертвы будут велики.

Когда Николаев ушел, с помощью колокольчика эмир вызвал секретаря.

Виктор вернулся в зал, Наташа сидела на диване, продолжая слушать Шаляпина со слезами на глазах. Увидев Николаева, она улыбнулась. Он опустился рядом и сказал: «Алимхан совсем не в духе и не может прийти сюда».

– Вероятно, гонец принес дурные вести. Значит, дела у эмира очень плохи?

– Ты права. Я смотрю, за это время ты хорошо изучила его.

– Черт с ним, с этим эмиром, главное, чтобы у нас было все хорошо. Я живу здесь как птица в клетке и все ради этих проклятых денег. Об этом эмир догадывается, как и о том, что я не люблю его. Однако это устраивает Алимхана. Я отношусь к нему как к добряку и отвечаю взаимностью. Стараюсь развлечь правителя всякими шутками, весельем. Ему это нравится. Иногда он жалуется, что его жены с ним бесчувственны, вечно молчат, а порой боятся. И оттого ему скучно с ними.

– Эмир нужен всем. Он нас кормит, и его благополучие – это и наше благосостояние. Потому нам следует беречь его.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом. Виктор, а твои родители так и не уехали за границу?

– Последнюю весточку я получил от них полгода назад. Несмотря на мои уговоры, родители все-таки решили остаться в России. Об этом отец заявил твердо, а он человек упрямый. Да и мама пишет, что они считают себя уже старыми людьми и не смогут жить на чужбине. Признаться, в молодости я не понимал родителей и мечтал только о славе, деньгах, удовольствиях. И вот когда самому стукнуло сорок, стал смотреть на жизнь иначе. Уже не хочу ни славы, ни этих проклятых войн. Я также сыт приключениями, и моей душе хочется покоя. А вот от денег не откажусь, потому что еще надеюсь создать семью и жить в большом, уютном доме. И чтоб хозяйкой была там ты.

От таких слов глаза Наташи стали совсем счастливыми, и она опустила голову ему на плечо, тяжело вздохнув.

– Кажется, ты не веришь в такое? – спросил Виктор.

В ответ Наталья лишь пожала плечами.

– Верь, у нас все будет, но пока нужно набраться терпения. Хочешь, потанцуем? – предложил Виктор.

– Теперь уже не хочется, охота пропала. Давай посидим рядом, поболтаем, ведь нам это не часто удается. Интересно, что будет, если эмир узнает о нашей связи? Неужели казнят нас?

– Казнить – это старомодное словечко. Я не знаю, как Алимхан расправится с нами, но уверен в одном. Он сделает все, чтоб никто не узнал о таком скандале, иначе народ будет смеяться над своим правителем. И такую дерзость он не простит никому, ведь его мужское самолюбия будет просто растоптано.

– Интересно, неужели эмиру никогда не приходило в голову, что между двумя русскими людьми могут зародиться глубокие чувства?

– Если Алимхан хоть что-то заподозрил бы, то не позволил бы мне входить в твой дом.

Такое право Николаев получил от эмира по просьбе Натальи, которая очень нуждалась в обществе своих соотечественников. Без сомнения, решиться на такое эмиру было совсем непросто, ведь он мусульманин, и здесь дружеские отношения между мужчиной и женщиной совершенно немыслимы. Однако Алимхан верил другу, да и жалел одиночество своей жены, которую сильно любил и многое ей позволял. Ко всему он считал себя передовым человеком.

На этот счет Наталья имела иное мнение:

– Эмир считает тебя настоящим солдафоном, пьяницей, которому нет никакого дела до женщин, и потому не ревнует. Но с другими людьми ведет себя осторожно. Помнишь, как-то раз к нам приезжал англичанин из Кашгара, Пит. Когда мы с ним беседовали или просто танцевали вальс, то эмир не сводил с нас пристального взгляда. Тем более, что хорошо выпивший консул становился довольно милым. А после отъезда гостя Алимхан отругал меня, что мы говорили наедине и танцевали. И мне пришлось успокаивать его, что это нормальное общение европейцев и в этом нет ни малейшего намека на измену.

– И все-таки нам следует быть осторожными, хотя нынче ему не до нас. Наталья, едем к тебе, сам Алимхан велел проводить тебя.

– Да, здесь уже делать нечего. Я только заберу свои пластинки.

Дом Натальи стоял неподалеку от резиденции – кирпичный дом в европейском стиле. Обитатели Арка называли его домом гувернантки, и в самом деле Наталья-ханум, как и прежде, вела занятия с детьми правителя.

У дома гувернантки, на скамейке, сидели два взрослых солдата с ружьями и оживленно беседовали. Завидев черную коляску, они вытянулись у дверей.

Из закрытой черной коляски вышел советник, который помог хозяйке дома спуститься вниз. Солдаты распахнули двери, и офицер с дамой вошли внутрь.

Три комнаты: гостиная, спальня и кабинет были обставлены в европейском стиле, и ничего здесь не напоминало об Азии. Стены гостиной украшали картины с русскими пейзажами, а на одной – фотографии ее родителей, сестер и братьев и всей семьи. Там же стоял массивный диван и два кресла, стеклянный шкаф с посудой и посередине – круглый белый стол с венскими стульями.

Полковник помог даме опуститься в кресло и сам сел рядом.

– Как все-таки хорошо дома, здесь уютнее, – заметила Наталья, облегченно вздохнув, – мне даже танцевать захотелось.

– Сей момент, мадам, сейчас закажем музыку! – и Виктор сошел с места и, широко улыбаясь, заспешил к столику с патефоном, желая угодить любимой женщине. Как только он опустил иглу, донеслось шипение заигранной пластинки, и по всей комнате полилась музыка Штрауса. Затем Виктор, склонив голову перед дамой, пригласил ее на танец. Они стали вальсировать медленно, кружась по просторной комнате. Лица танцующей пары сияли от удовольствия. Наталья так завелась, что во время второго танца они уже вращались намного быстрее. Но полковник сдерживал ее порыв чувств и замедлял свои шаги. При этом не раз повторял: «Дорогая, ты не устала? Это тебе не вредно?» Счастливая дама лишь качала головой. Но при новом танце Наталья почувствовала боль в боку и остановилась, тяжело дыша.

Виктор помог ей лечь на диван, уложив ее ноги удобнее. Сам же сел рядом и стал гладить ее руки.

– Ну как, боль отпустила? – спросил он.

К Наталье быстро вернулась улыбка.

– Наклонись ко мне, – попросила она, – хочу поцеловать твои сладкие уста.

И губы любовников слились в долгом поцелуе.

– А как бы тебе хотелось назвать ребенка? – затем спросил Виктор.

– Если сын, пусть будет Андрей, по имени его деда. Если девочка – Анастасия.

– Красивые имена, они мне тоже нравятся. Интересно, какое имя предложит ребенку эмир, хотя понятно, что оно будет мусульманским. Ты говорила с ним об этом?

– Он сказал, что ему все равно. Судя по его словам, его это мало беспокоит: «Я человек государственный и не должен заниматься такими пустяками». Детей у него много и, видимо, отцовской любви на всех не хватает. Да, Виктор, вот о чем я хотела поговорить с тобой. Может, прямо завтра мы сбежим отсюда, чего тянуть? У нас уже есть кое-какие сбережения. Мы не будем бедствовать в Европе, как иные эмигранты.

– Милая, мне тоже здесь надоело, и все же рановато.

– Но ты говоришь, что совсем скоро эмир может потерять власть. Тогда чего нам ждать?

– Если большевики возьмут Бухару, мы уйдем вместе с эмиром и, вероятнее всего, в Афганистан. Понимаешь, у эмира много золота, и еще какое-то время он будет щедро платить. Поэтому года два нужно послужить ему и скопить солидную сумму, чтобы в Европе мы могли открыть свое дело. К примеру, ресторан или магазин. Но для этого и тебе надо постараться: получать от эмира побольше подарков, желательно золото или драгоценные камни – их легче вывезти отсюда.

– Зная слабости мужчины, это несложно сделать, – хитро улыбнулась Наталья. – Ты успокоил меня. Я согласна еще подождать.

– А теперь мне пора. Много дел в штабе. Через два дня я провожу крупные учения с участием не только пехоты, конницы, но и артиллерии. Такого здесь еще не бывало. За ними нужен глаз да глаз, чтобы не сорвать учения. То одно забудут, то другое – словно маленькие дети... Армия – это, прежде всего, дисциплина, а наши мусульмане не привычные к таким делам.

– Хорошо, иди, чтобы служанка лишний раз не болтала, что ты подолгу задерживаешься у меня.

Золотой караван

После успешных учений Николаев решил отдохнуть. До полудня Виктор лежал в железной кровати с толстыми матрасами и читал книгу, которую взял в библиотеке эмира. Советник жил в лучшей гостинице Бухары, ему выделили две комнаты, где стены были расписаны в восточном стиле, как в старых миниатюрах: загородные сады, кругом яркие цветы, олени, птицы – и все это не совсем сочеталось с европейской мебелью. Там, как обычно, останавливались богатые купцы, коммерсанты и заезжие дипломаты. Но нынче это заведение почти пустовало. В тот день полковник намеревался устроить у себя маленькую вечеринку с двумя русскими офицерами и купцом, который уже завозил товары из Турции. Они были приглашены к шести вечера, и потому Николаев решил предаться безделью, да и нужно было выспаться, так как подобные вечеринки с большим количеством вина и шашлыка длились до утра.

В постели Виктор читал роман Дюма «Учитель фехтования», как вдруг постучались в дверь. «Кто там?» – крикнул полковник по фарси.

– Это Хасан, слуга Его величества, – отозвался тихий голос.

– Что еще случилось? – пробурчал себе под нос советник и открыл дверь в белом нижнем белье.

– Господин, наш славный эмир ждет вас в своем кабинете.

– Передай эмиру: явлюсь, как только побреюсь.

Через десять минут в сопровождении двух охранников Николаев уже двигался в сторону Арка – дворцовой цитадели. По пути у соборной мечети они увидели множество народа, перед которым выступал какой-то мулла, вернее, он истерически кричал, призывая людей на защиту священной Бухары от неверных: «О, мусульмане, неужели мы допустим, чтобы эти русские разбойники, дети Шайтана, захватили наш священный город, дарованный нам самим Аллахом? Конечно, нет и еще раз нет! Один раз наш эмир уже хорошенько дал им под зад, что бежали они до самого Самарканда. И вот эти разбойники опять поднимают головы против Бухары. Они хотят прийти сюда и осквернить наши мечети. Так неужели мы допустим это? Неужели мы позволим, чтобы они грабили наши дома и насиловали наших сестер, жен, дочерей? В дни революции я был в Самарканде и все это видел своими глазами. Подобные насилья ждут и священную Бухару. Чтоб такого безбожья не случилось, есть только один путь: сплотиться вокруг нашего эмира и выполнять все его указы. Только он знает, как спасти город. Да здравствует наш эмир – спаситель мусульман! Пусть будут прокляты русские кяфиры! Смерть русским!» При этих словах мулла гневно размахивал своим посохом, глаза его злобно сверкали.

Упоминания о русских заставили Николаева остановить коня и прислушаться к резким словам муллы. И вдруг выступающий заметил русского офицера и прервал свою жаркую речь. Он явно растерялся: все-таки этот человек приближенный самого эмира. Полковник тоже глядел на него из-под козырька, нахмутив лоб. Николаев был недоволен: этот малообразованный святоша путает русский народ с большевиками и сеет вражду к его народу. И в этот миг полковник стал сожалеть, что эта пропагандистская идея исходила от него самого. Здешние люди не отличают большевиков от русского народа, который сам страдает от засилья Советов.

Толпа мусульман тоже заметила русского полковника, и все устремили свои злые глаза на чужака. «Бейте русского, бейте кяфира!» – кто-то крикнул из толпы, и некоторые двинулись на Николаева, желая взять его в кольцо. Но те не успели. Охрана и сам полковник вмиг достали свои маузеры из кобуры и стали стрелять в воздух. Это подействовало. Напуганная толпа застыла на месте, а всадники развернули лошадей и ускакали прочь от мечети.

Это происшествие оставило в душе полковника тяжелое чувство: лучше быть убитым на поле боя, чем растерзанным толпой фанатиков.

Когда Николаев вошел в кабинет эмира, тот сидел на диванчике и о чем-то думал, уставившись на ковер под ногами.

– Ваше величество, звали меня? – обратился полковник.

– А-а, Виктор, друг, ты мне очень нужен, – совсем по-дружески заговорил эмир. – Садись рядом, надо кое-что обсудить. Друг мой, я всецело доверяю тебе и буду весьма откровенен. Я получил очень тревожную весть от своего надежного человека, он служит в правительстве большевиков Туркестана. Через неделю в нашу сторону отправят несколько поездов с красноармейцами. Неужели это война?! Я хотел бы знать твое мнение.

– Да, это война. Очевидно, пока они будут стягивать войска к нашим границам. Сейчас важно установить численность армии и ее вооружение.

– О Аллах, неужели это конец Бухары? И это может случиться совсем скоро. Виктор, какие у нас шансы?

– Все зависит от того, сколько полков они выставят против нас, но у них в Самарканде достаточно сил, чтобы овладеть Бухарой.

Некоторое время эмир молчал и лишь тяжело вздыхал.

– Что ж, на все воля Аллаха, но я хочу поговорить с тобой о другом деле. Сейчас больше всего меня беспокоит судьба казны Бухары. Времени у нас мало. Надо хоть часть золота спасти. Я хочу, чтобы ты спрятал ее в горах и составил карту того места. Речь идет примерно о десяти тоннах – это немало. Разумеется, об этом деле будут знать всего два-три верных человека. Если ты исполнишь задуманное, я тебя щедро отблагодарю. Этих денег хватит еще и твоим внукам, если надумаешь обзавестись семьей. А когда мы изгоним из Бухары большевиков, казна вернется на место. Ты согласен помочь мне?

– Я готов взяться за это дело, – твердо ответил полковник, которому льстило такое высокое доверие со стороны правителя, к тому же дело сулило большие деньги.

Такой ответ тронул Алимхана.

– О, мой старый друг, благодарю тебя, что в столь тяжелые дни ты рядом. Хочешь знать, почему я выбрал для этого дела именно тебя, а не свою родню? Скажу, не тая. Во-первых, ты честный офицер. Во-вторых, ты человек нежадный, и много денег тебе не нужно: у тебя нет жены и множества детей. Жаль, что не могу доверить это своей родне. Они могут проболтаться о месте казны, ведь у каждого из них не один десяток родственников и каждому надо помочь. Вот тогда они начнут таскать золото, пока там ничего не останется.

– Что я должен сделать и когда? – спросил Николаев.

– Это не совсем простое дело, – и эмир задумался, прежде чем произнес. – Тебе придется убрать свидетелей, которые будут сопровождать этот караван. Иначе тайну никак не сохранить. Но это не означает, что ты сделаешь все своими руками. Для этого у тебя будут помощники. Ну, что скажешь?

Николаев задумался: в такой роли он не представлял себя и был немного растерян. Нельзя сказать, что ему не доводилось убивать людей, однако то было на войне, и там был враг. И не убей его – убьют тебя. Сейчас совсем другая ситуация: надо будет устранить невинных людей. Но, с другой стороны, эмир сулит большие деньги, и упускать такого случая нельзя. «Подумаешь, отдам приказ застрелить каких-то неизвестных мне азиатов. Тем более, что сей приказ исходит от эмира – это не мое желание». Размышляя об этом, полковник довольно быстро нашел себе оправдание. «К тому же, – сказал себе Николаев, – если не сделаю я, то отыщется другой человек. Такова судьба этих несчастных – тут ничего не поделаешь. Я же не должен упустить такую возможность... Да, есть еще одно оправдание...» – и тут Николаев понял, что таких оправданий можно найти еще с десяток. – «К черту совесть! Мне надо думать только о себе, о Наташе, тем более эти азиаты буквально недавно были готовы растерзать меня».

– Алимхан, я готов исполнить твое поручение.

– Я догадываюсь, как не просто было тебе решиться на такое... Ты думаешь, мне легко, тем более это мой народ? Да, они невинные люди, но я правитель этой страны, и интересы эмирата для меня превыше всего на свете. Я спасаю не личную казну, а Бухарского эмирата. Мне жалко этих несчастных. К сожалению, род человеческий так слаб, что лишь единицы смогут удержаться от соблазна не своровать такое количество золота. Так что пусть тебя не мучает совесть: эти жертвы необходимы. Я не могу рисковать народным добром, иначе Бухара станет нищей.

– Понимаю тебя: ты хочешь сказать, что война без жертв не бывает.

– Ты нашел удачное сравнение – значит, понимаешь меня верно. Ты рассуждаешь подобно государственному мужам. Это хорошо. Теперь о тонкостях нашего дела. На лошадях золото доставите в горы Байсуна и там спрячете в одной из пещер. В этом караване главным человеком будешь ты. Тебя будут слушаться все, даже начальник моей охраны Таксынбай, солдаты которого будут охранять груз. А погонщиками в караване станут дервиши во главе с Давроном – моим верным слугой. Этот человек будет твоим помощником и исполнит любой твой приказ. Место для захоронения казны подыщет сам Даврон. В тех горах много пещер. В одной из них спрячете мешки с золотом, вход завалите камнями. Эту работу исполнит Даврон, а ты составишь карту.

– Все ясно. Когда мы должны отправиться? – спросил полковник.

– Сегодня же в полночь вы тронетесь в путь. Ни одна живая душа не должна знать о том, что везет караван, иначе могут напасть.

– А люди, которые будут сопровождать обоз, должны знать о содержимом груза? – поинтересовался Николаев.

– Что ты! Ни в коем случае, иначе они сговорятся между собой и сами захватят караван.

– Понятно.

– Да, я приготовил для тебя одежду – новенький халат и чалму, чтобы ты походил на местного купца, который везет товар в Кабул.

Еще около часа они обсуждали подробности этого путешествия, и затем эмир сказал:

– А теперь идем в подвалы казнохранилища: как там идет подготовка.

Когда эмир с советником спустились с крыльца парадного входа, их ждала черная карета с охраной. Они тронулись по широкой дорожке между кустами можжевельника.

Подземное хранилище находилось недалеко, и вскоре они подъехали к нему в сопровождении конников во главе с Таксынбаем. Выйдя из кареты, полковник удивился: вокруг не было ни одного солдата, хотя прежде здесь нес службу целый отряд. Николаев догадался: их убрали отсюда намеренно, чтобы никто не узнал об отправке золота.

По кирпичной лестнице они спустились вниз к железным воротам. Затем начальник охраны Таксынбай стал стучать кулаком, и за дверью раздался голос:

– Кто там?

– Это я, Таксынбай, живо открывай!

Дверь отворилась со скрипом, и за нею показались два стражника средних лет. Увидев правителя, они вытянулись в струнку и застыли на месте, пока эмир не прошел мимо.

Большое полутемное хранилище со сводчатыми потолками было увешано керосиновыми лампами. Люди в белых штанах и рубахах копошились возле огромных сундуков и тихо переговаривались между собой. Их было человек десять, они заполняли золотом хурджуны – двухстворчатые матерчатые сумки. Затем их складывали посреди помещения. И когда работники подносили туда на плече тяжелые хурджуны, особый человек прошивал их грубыми нитками и черной краской ставил на полотне номер. Рядом стоял белобородый учетчик в большой чалме, длинном халате до пола и карандашом делал записи в тетради. За работой этих людей наблюдал Даврон, который ходил по хранилищу и строгим голосом давал указания: «Торопитесь, после отдохнете... Хватит разглядывать монеты, они все равно не ваши».

Увидев эмира и советника, дервиш заспешил к ним навстречу с поклоном.

– Как идут дела, мой верный друг? Успеваете? – спросил эмир и пошел в глубь помещения, чтобы все увидеть своими глазами.

– Все делается в точности, как вы велели, – доложил дервиш, следуя рядом с государем. – Думаю, к вечеру управимся.

– Это хорошо, хорошо...

Эмир шагнул к двум работникам, чьи лица блестели от пота. Те сразу утерли мокрый лоб и застыли перед правителем в поклоне. Это были молодые, здоровые дехкане, которых Даврон нанял в одном из кишлаков. Они впервые воочию увидели своего государя. От волнения и страха у них перехватило дыхание, а усталости будто и вовсе не было.

– Как вам работается, не сильно утомились? – вежливо осведомился эмир.

– Благодарим, Ваше величество, – ответил один из них, едва подняв голову, – разве можно уставать на работе во благо нашего славного эмира!

Второй, чуть моложе, в знак полного согласия закивал головой.

– Трудитесь усердно, от чистого сердца, вам доверено государственное дело. Это деньги всего Бухарского эмирата. Вы должны гордиться тем, что удостоены такой чести.

– О да, конечно, мы будем молиться за нашего великого эмира...

В это время к эмиру заспешил главный хранитель казны, высокий пожилой человек в ярко-красном халате и с толстой книгой под мышкой. Он стал извиняться, что, увлеченный важной работой, не сразу заметил почтенного правителя.

Эмир сразу заговорил о деле, и тот подтвердил, что сам лично ведет строгий контроль: каждый хурджун с золотом взвешивается и записывается в книгу учета. И в подтверждение сказанного раскрыл большую книгу, желая показать цифры. «Не надо, я верю тебе», – сказал Алимхан.

Эмир пошел дальше, наблюдая за тем, как работники загребают руками из потемневшего с годами сундука блестящие монеты и горстями опускают их в хурджуны.

Затем правитель встал возле людей, которые совками выгребали золотой песок из сундуков и ссыпали его в шелковые мешки.

И тут Алимхан вспомнил о самоцветах:

– А что вы делаете с драгоценными камнями? Вы их уже упаковали? Там нужен глаз да глаз.

– Еще нет, Ваше величество. Мы займемся ими в последнюю очередь, я лично сам уложу их по мешочкам. Разумеется, это будет сделано с участием досточтимого Даврона.

– Покажи их мне, я люблю самоцветы.

И казначей подвел эмира к нишам в стене. Там на кирпичных полках стояли железные ларцы с увесистыми замками – их было более десяти.

– Ну-ка, открой один, где алмазы, – приказал Алимхан.

Казначей снял со стены связку ключей и быстро исполнил повеление эмира. И едва крышка ларца открылась, маленькие алмазные камушки заиграли яркими огнями.

– Не правда ли, это безумная красота? – воскликнул правитель, и глаза его заблестели.

Вокруг все закивали головами в знак согласия.

– Очень они красивы, когда их множество, – эмир взял горсть камней в ладонь и принялся разглядывать. – Жалко, что у нас нет более крупных алмазов. Это мой любимый камень.

– Позвольте спросить, как быть с золотой посудой, украшениями, ведь они много места займут? – спросил Даврон.

– Пока не трогайте, их заберем в последнюю очередь.

– Понял вас, мой повелитель.

– Я доволен вашей работой, продолжайте, а ты, Даврон, проводи нас до ворот.

Уже у выхода эмир обернулся к своему верному слуге:

– Даврон, к ларцам не подпускай работников, а то не заметишь, как они проглотят драгоценные камни.

– Мой повелитель, это довольно глупые дехкане, они не додумаются до этого.

Эмир усмехнулся.

– Даврон, я гляжу, ты плохо знаешь людей. Сейчас в голове этих работников только одна мысль, как бы что-нибудь спрятать.

– В таком случае они могут и золотой песок проглотить, – заметил Николаев.

– Пусть глотают, разве цену песка можно сравнить с ценой алмаза, рубина. Да и песка много не съешь. Пусть едят, мы от этого не обеднеем.

Когда эмир с советником вышли из подвала, яркие лучи солнечного света ударили в глаза, ослепив на мгновение.

По дороге во дворец, покачиваясь в коляске, Николаев сказал о своих опасениях:

– Алимхан, эти работники, вернувшись домой, могут проболтаться о золотом караване, и люди пойдут за нами следом, чтобы узнать место клада.

– Об этом я уже позаботился: ни один из них не выйдет из хранилища, в том числе и мой казначей, пока вы не завершите это дело. Вот еще что, ваш караван должен двигаться только по ночам, а днем будете отдыхать в безлюдной степи. Всячески обходите стороной кишлаки и пригороды. И еще, перед трудной дорогой надобно тебе выспаться и отдохнуть. Для этого уже приготовили удобную комнату, там есть все необходимое. Это рядом с дворцом. Если будет скучно, приходи ко мне в кабинет, сыграем в нарды, шахматы, – улыбнулся эмир.

Таким образом, Алимхан дал понять другу, что и ему не дано право покидать Арк. Это не обидело Николаева, хотя, как человек военный, он не привык к дворцовым играм. Но Азия несколько изменила его нрав, сделав более гибким.

Друзья вернулись в резиденцию, и эмир пригласил советника в свой кабинет сыграть в нарды. Ему хотелось отвлечься от важных забот. Отказать правителю было как-то неудобно. Во время игры они беседовали о политике, о женщинах, вспомнили о годах учебы в кадетском корпусе в Москве. И после Николаев ушел в комнату для особо важных гостей в соседнем здании – гостинице для зарубежных гостей.

Охрана советника осталась ждать его в приемной комнате, где имелся кожаный диван. Толстый хозяин заведения, одетый по-европейски, в светлом мятом костюме, был рад, что наконец-то у него появился гость. Широко улыбаясь, он повел Николаева по коридору.

– Вот ваша комната, мой господин. Если буду нужен, на столике лежит колокольчик, – сказал он гостю и покорно удалился, чтобы не быть назойливым: его предупредили, что европейцы не любят этого.

Николаев стал разглядывать широкую комнату с белым роялем у большого окна и видом в зеленый сад. Рядом находился синий камин до потолка. Далее зал украшал шкаф в стиле «Ампир» и черный диван. Овальный стол в середине комнаты. Виктор был восхищен, особенно роялем. Он напоминал ему о родном доме, где в гостиной стоял такой же инструмент, на котором играла его сестра. Виктор сожалел, что в свое время не освоил рояль.

Затем Николаев сбросил сапоги на ковер, китель – на кресло и вытянулся на плюшевом диване, хотя была еще вторая комната – спальня. Перед дорогой ему следовало выспаться, иначе всю ночь будет бороться со сном.

Какое-то время он лежал с закрытыми глазами, но сна все не было. Еще час пребывал в раздумье, мысленно воображая себе, каким будет это путешествие. Ничего опасного в этом деле не ожидалось, разумеется, если удастся сохранить полную тайну. Поэтому полковник не испытывал особого волнения – идти на бой с врагом куда страшнее. Вместе с тем не было и радости, хотя путешествие сулило ему огромные деньги. Николаева, скорее, беспокоило завершение этой экспедиции, когда придется убирать свидетелей.

Открыв глаза, Виктор заметил в углу книжный шкаф, в котором красовались книги с золотистыми переплетами. «Что там за книги? Может, есть что-нибудь интересное?» – и Виктор поднялся с дивана.

На книжной полке среди английских и арабских томов оказалось немало русских. Николаев выбрал о путешествии Миклухо-Маклая в страну папуасов – одно из его любимых произведений. Прочитав эту книгу в юношеские годы, он так загорелся любовью к путешествиям, что самому захотелось совершить нечто подобное. Но осуществить такое не хватило духу. Да и в карьере военного тоже казалось достаточно романтики. «Правильно ли я тогда поступил, отказавшись от мечты путешественника? – спрашивал он себя в последние годы. – Кто знает, может быть, сейчас я стал бы знаменитым исследователем новых земель. Не стоит сожалеть, потому что прошлое уже не вернешь», – с грустью размышлял он.

В комнате стало темнеть. Николаев встал на стул и сам зажег лампу на люстре, а затем и вторую – на столике у окна. После уселся в кресло и погрузился в чтение, отправившись с Миклухо-Маклаем на острова Новой Гвинеи к папуасам.

Он совсем не заметил, как минули два часа. Книга унесла его в райский уголок земли, где ласковое море, джунгли. Однако стук в дверь заставил его вздрогнуть, и полковник вновь очутился в тревожной Бухаре.

Николаев открыл дверь и увидел слугу эмира. Тот учтиво протянул ему большой узел, сказав:

- Его величество ждет вас у себя.
- Передайте Его величеству, что сейчас явлюсь.

Николаев развязал узел на столе: там был дорогой синий халат, белоснежная чалма и сапоги с изогнутым носом. Тут же советник скинул мундир и облачился в восточный наряд, затем с лампой в руке зашел в спальню и глянул в зеркало в рост человека с резными узорами. Вид был нелепым: светлое лицо, рыжие брови все равно выдавали в нем человека христианской веры.

И когда в этом наряде полковник вошел в кабинет эмира, тот не сразу признал советника: «Кто это такой явился без...», – и вдруг эмир рассмеялся, показывая белые зубы:

- Из тебя мусульманин не получится, слишком уж белым родился.
- Но ведь бывают же рыжие таджики, – возразил Николаев.

В разговор вступил начальник охраны Таксынбай, который сидел на стуле у стены:

- Может, господину советнику брови покрасить хной, тогда они станут темными?
- Это хорошая мысль, – поддержал эмир, – но тогда надо будет и лицо вымазать сажей, чтобы стал черным.

Алимхан расхохотался и откинулся на спинку кресла, тем самым выставив из-под халата свой круглый живот. Шутка Алимхана рассмешила всех.

Быстро успокоившись, эмир принял серьезное лицо и обратился к Николаеву, который уже сидел в кресле:

– Что это я так развеселился – не к добру. Итак, поговорим о нашем караване. Виктор, думаю, нет надобности знакомить тебя с Таксынбаем – его отряд будет охранять твой обоз. Хотя мои гвардейцы – верные люди, и все же не должны знать о грузе. Кроме солдат, караван будут сопровождать погонщики лошадей. Это из верных людей Даврона, но и им не нужно знать о золоте. Хотя дервиши и презирают деньги, кто знает, что случится с их разумом, когда они увидят столько драгоценностей.

– Ваше высочество, но солдаты и погонщики все равно догадаются, что это очень ценный груз, коль караван сопровождает личная охрана эмира, да еще груз прячут в пещере, – возразил полковник.

– Пусть догадываются – это не опасно, ведь о пещере будут знать единицы. Да и после часть свидетелей отдадут свои жизни во имя тайны Бухары. Теперь о том, какие роли я дал

вам. Таксынбай, солдаты – в твоём ведении, а дервиши будут слушаться только Даврона. Над вами будет стоять мой советник Николаев – слушайтесь его во всем. В пути именуите его купцом Одылбеком. За сохранность каравана отвечает полковник, потому его приказы должны исполняться без всякого рассуждения. Таксынбай, ты понял меня?

– Да, Ваше величество, все в вашей воле.

– Вот и хорошо. Вот еще что: если кто-либо захочет сбежать из каравана или похитить золото, то таких расстреливать прилюдно, дабы у других пропала такая охота. Никого не щадить, ведь речь идет о казне эмирата, бухарского народа. Помните это и берегите казну даже ценой своей жизни. Ваши старания будут очень щедро вознаграждены. А сейчас идите в караван-сарай Даврона. Там, надеюсь, уже закончились приготовления. Перед дорогой нужно прочитать благодарственную молитву, и эмир, вознеся ладони перед лицом, стал тихо читать молитву. Остальные сделали то же самое. Для Николаева этот ритуал был лишь данью уважения к религии друга. В конце краткой молитвы Алимхан произнес «Амин» и облегченно вздохнул.

Затем эмир подошел к Николаеву, который уже вытянулся, как подобает офицеру, забыв о своем азиатском одеянии. На это Алимхан слегка улыбнулся, пожал ему руку и дал совет:

– Виктор, запомни, мусульманин должен ходить с чуть склоненной головой, в знак покорности пред Всевышним. Величие духа у нас не приветствуется. Желаю успешного завершения дела. Я буду молиться за вас. А теперь скачите в караван-сарай Даврона: золото уже там, его доставили на арбах. Караван, должно быть, уже готов.

После этих слов эмир шагнул к Таксынбаю и тоже крепко сжал ему руку:

– Не своди глаз с людей, никому не доверяй. А в твое отсутствие я позабочусь о твоей семье, а когда вернешься, то станешь очень богатым человеком.

В ответ крупное лицо Таксынбая засияло. Он понял намек правителя: до возвращения каравана в Бухару семья Таксынбая, в том числе его отец и мать, будут в руках эмира. Вдруг если он надумает бежать с золотом, то вся семья будет казнена. Такое решение не обидело Таксынбая, ибо сам поступил бы так же.

Алимхан проводил гостей до приемной, чего никогда не делал, и вернулся к себе. Затем он застыл у окна, раздвинув шторы. От этих людей зависело его благополучие. Внизу дворцовую лестницу освещали керосиновые лампы на длинных ножках. Там же стояли конники, ожидавшие Николаева и Таксынбая, и когда те появились, все вместе ускакали и скрылись во мраке. Осталась лишь стража дворца. «Хорошо, что ночь выдалась темной – значит, Аллах на нашей стороне», – подумалось эмиру.

Алимхан погрузился в кресло и тяжело вздохнул: «О, Всевышний, не оставь меня в столь трудные дни, ибо вся надежда лишь на тебя».

Двигаясь верхом по дворцовой части, Николаев отметил про себя: все лампы потушены, мертвая тишина и не видно ни одного стражника. Должно быть, это сделали намеренно, чтобы никто не видел, как увозили казну. Проезжая мимо дома Натальи, он заметил огонек в ее спальне. «Если она не спит, то читает какую-нибудь книгу». В эту минуту Виктору ужасно захотелось увидеться с нею, обнять и поцеловать любимую перед дорогой. Кто знает, чем закончится это путешествие, если случайно охрана узнает об истинной цене груза. И тогда они не устоят перед соблазном завладеть хотя бы горстью золота. Даже разум перестает слушаться, и самые тихие люди совершают невероятные злодейства.

Как только они покинули цитадель и оказались за воротами, их встретил отряд Таксынбая, ждавший своего командира. Все вместе поскакали по улицам пустого города. Кругом стояла тишина, и лишь изредка встречались им ночные сторожа, которые ходили по кварталам и громко оповещали горожан: «Люди Бухары, спите спокойно! Люди Бухары, в городе все спокойно». При этом стучали деревянной трещоткой в такт своему голосу. И увидав солдат, как обычно, они прижимались к стенам домов и кланялись.

Когда всадники подъехали к караван-сараю, ворота оказались запертыми. Но их сразу отворили, и сам Даврон встретил их в поношенном халате.

Двор был полон лошадей, с двух боков груженных полными хурджунами.

– Сколько их? – спросил Николаев, спустившись с коня.

– Девяносто один, – ответил дервиш.

– А где твои люди?

– В келье перед дорогой молятся. Но они уже готовы тронуться.

– Тогда в путь, выводите караван.

– Слушаюсь, господин Одылбек, – склонил голову глава дервишей и зашагал к келье.

Там, у дверцы, он объявил своим людям об отправке. Пять дервишей в поношенных халатах и круглых тюбетейках прервали молитву и встали с мест.

Погонщики лошадей вышли во двор. Каждый уже знал свое место в караване. Они стали выводить животных на пустырь, строя их один за другим. Караван растянулся на сто с лишним аршинов. Во главе встали Одылбек и Даврон с помощником, а остальные дервиши должны были следить за строем каравана. Солдаты же растянулись вдоль лошадей, ряд замыкал Таксынбай со своими подручными. В таком порядке они ушли из города через Каршинские ворота.

За городскими стенами началась степь, вся во мгле.

Даврон хорошо знал дорогу через большую степь к горам Памира и потому повел караван уверенно.

Первая жертва

Огромная каршинская степь.

Караван двинулся по ночам, чтобы не привлекать внимания пастухов или дехкан, которые ездили на своих арбах на близлежащие базары. К тому же ночная степь была куда приятней, чем дневной зной с палящим солнцем. Зато днем приходилось отсыпаться прямо в степи, среди высохших кустов, где бегали ящерицы, а иногда ползали змеи – кобра или гюрза. Чтоб палящее солнце не очень мучило солдат, Николаев велел натянуть шатры над головами спящих, а дежурившие солдаты ходили вдоль лежавших на земле лошадей и смотрели по сторонам.

Как-то в середине дня, после дежурства, один из солдат вернулся под навес к спящим людям. Положив под голову походный мешок, он лег на песок рядом с другими. Только стал засыпать, как за спиной услышал шипение. Сон тотчас пропал. Солдат резко обернулся и совсем рядом, на песке, увидел кобру. Испуганная резким движением человека, змея вмиг вытянулась, подобно свечке, готовая кинуться на обидчика. От страха тот закричал и замахнулся на нее рукой. И тут кобра укусила его за руку и спешно уползла в кусты, оставив за собой волнистый след.

А солдат, обезумев от страха, начал бегать между шатрами, крича во все горло: «Меня укусила змея, меня укусила кобра! Спасите меня, я умираю...»

Тем временем Одылбек не спал. Купец сидел под навесом, заложив под себя ноги, и наблюдал за дежурными солдатами и поварами, пока Таксынбай и Даврон отсыпались в своих шатрах. Услышав крики, Одылбек вскочил на ноги, но не мог понять, о чем кричит безумный солдат, пока в его словах не расслышал: «змея».

От дикого крика все стали просыпаться. Испуганные солдаты и погонщики, еще не успевшие отойти ото сна, вышли из шатров и сразу заметили безумца. Но самым удивительным было то, что за тем солдатом гнался купец Одылбек. Когда это удалось, Одылбек повалил его и придавил коленом к земле. Молодой солдат еще плакал.

Все кинулись к ним, образовав круг. Купец же грозно крикнул: «Глупец, не двигайся, не двигайся, иначе помрешь! Я тебе помогу». Солдат уверовал его словам и не стал метаться, а лишь таращил глаза на сослуживцев.

Одылбек разглядел место укуса. Змея оставила две ранки чуть выше запястья, откуда сочились струйки крови. После осмотра купец скинул с себя халат, порвал на рукаве лоскут от желтой рубахи и связал им руку чуть выше ужаленного места, желая остановить приток крови. Несчастный солдат все стонал: «Помогите мне, спасите, у меня трое малых детей, что будет с ними?»

– Быстро мне воды, – крикнул Одылбек, и двое кинулись к котлу, где варилась еда.

Пока несли воду в медном чайнике, солдаты и погонщики смогли рассмотреть этого странного купца вблизи, который держался от них в сторонке. Только теперь солдаты разглядели в нем христианина, хотя он и был в мусульманском наряде. Другие же приняли его за памирского таджика или турецкого купца – среди них тоже встречаются рыжеватые. И что удивительно, это человек был столь велик, если даже повелевал самим Таксынбаем, который был в чине генерала.

Едва в спешке доставили воду, Одылбек омыл рану и стал высасывать кровь с места укуса. Пораженный Таксынбай решил остановить его:

– О, почтенный Одылбек, что вы делаете? Это опасно!

– Надо срочно высосать яд, иначе его не спасти.

– Не смейте этого делать! За вашу жизнь я отвечаю перед эмиром. Это неразумно: вы можете погубить себя.

– Я сразу выплевываю отравленную кровь.

– Пусть это сделает другой. Кто близкий друг у этого солдата? – спросил начальник отряда.

Никто не отозвался. Тогда Таксынбай пристыдил своих людей: «Какие же после этого вы гвардейцы?» Тогда вышел пожилой солдат и сказал:

– Мне как-то доводилось высасывать яд из ноги брата, и я готов сделать это снова.

Однако купец предупредил его:

– Если у тебя есть какая-нибудь ранка во рту, то не делай этого, ибо через нее яд попадет в кровь, тогда сам погибнешь.

– У меня все чисто.

Опытный солдат опустился на колени и стал высасывать кровь. Одылбек сказал ему: «После каждого раза рот поласкай водой», – и дал ему в руку кружку. Тот так и делал. Но несчастный солдат все еще стонал со словами: «Я умираю, я умираю». И в самом деле через короткое время лицо у него было уже мокрым от пота и его стало трясти.

– Это не поможет, все равно он умрет, – уверенно заявил Даврон и склонился над умирающим. – Я знаю, что надобно делать в таких случаях. Ну-ка, расступитесь! Да, и закройте глаза этому солдату тряпкой.

Как только это сделали, Даврон вытянул руку солдата в сторону. Затем дервиш выхватил из ножен саблю и резким взмахом отрубил солдату полруки. Тот успел лишь вскрикнуть, как голова его повисла, он лишился чувств или вовсе умер. Никто не ожидал такого, и все уставились на Даврона. Однако тот остался равнодушен, ибо по своей природе был решительным человеком.

– Кажется, он умер, – тихо сказал кто-то.

– От такого люди не умирают, – успокоил всех Даврон. – Он просто лишился чувств. В таких случаях лишь это может спасти.

Молодые солдаты отвели глаза в сторону от столь неприятного зрелища. Они еще не воевали и не видели рубленых рук, ног и голов. У несчастного солдата с места среза обильно стекала кровь.

Даврон срочно дал указание принести ему масло. Кто-то из дервишей кинулся к котлу и столь же быстро вернулся с медной чашкой. Глава ордена взял с земли горсть пыли и высыпал ее в масло. Затем все перемешал. Получилась темно-желтая каша, которую он приложил к ране. В завершении снял с пояса кусок материи и плотно обмотал отрубленную руку, чтобы остановить кровь.

– А теперь давайте вознесем молитву за нашего брата, – предложил Даврон. Все опустились на колени, и дервиш затянул молитву своим мелодичным голосом.

После этого оставалось только ждать. Все встали на ноги. Перед уходом Одылбек накрыл больного своим халатом. Никто не знал, выживет ли он. Солдаты вернулись к своим шатрам, и прежде чем лечь, осмотрели ближайшие кусты, а некоторые и вовсе срезали их саблями, очищая опасные места. У многих пропал сон, и они лежали с открытыми глазами, мечтая или вспоминая о доме. Некоторые стали тихо шептаться между собой:

– Жалко Турсуна, – сказал один.

– Да, не повезло бедняге, – согласился другой.

– Теперь, если даже останется в живых, кому он нужен, безрукий мужчина? Ни один богач не возьмет его на службу.

– Да и в хозяйстве от такого нет особого толка. Остается ему одно: открыть на базаре свою лавку.

– Для таких дел нужна крупная сумма.

– Знаешь, меня очень удивил этот светлолицый купец Одылбек. Он какой-то странный: вроде из наших и вроде – не наш.

– Это русский человек, как-то я видел его у гостиницы, но тогда на нем была одежда русских военных. Должно быть, очень важный человек.

– Ты прав. И здесь он главный. Значит, еще занимается и торговыми делами. Говорят, это его товар.

– А он молодец, истинный мужчина, хотя не наш человек. Ты видел, как кинулся спасать нашего брата, мусульманина. Интересно знать, что за груз мы везем в Афганистан? Может, это золото? Хурджуны не плотные, но тяжелые.

– Вряд ли, откуда у этого чужака может быть золото? Столько богатства нет даже у нашего эмира.

– Да, верно. Тогда, может быть, это товар самого эмира, а русский лишь должен доставить его.

– Такое невозможно. Сам подумай, кто доверит столько золото какому-то чужаку, разве у эмира нет родни, преданных министров и генералов? Нет, это явно не золото.

– Согласен с тобой. Если эти товары военного человека, то это как-то связано с войной. Значит, в хурджунах находятся порох, дробь, патроны и всякое такое.

– Разумная мысль. Они не хотят, чтобы мы узнали их тайну, ведь все говорят, что скоро может начаться война с русскими. Эти кяфиры уже захватили Карши, а эмир почему-то молчит. Неужели они такие сильные, что даже наш великий правитель страшится их?

– Одного я не понимаю: если русские – наши враги, то почему эмир держит возле себя этого человека? Сказывают, в Бухаре есть еще и другие русские, они учат наших солдат. Ничего не пойму.

– Об этом я думаю так: эти русские ненавидят тех русских, которых теперь называют Советами. Говорят, они настолько опасные, что даже убили своего «белого» царя и взяли власть в свои руки.

– Плохое дело политика. Какая-то неразбериха. Лучше держаться от него в стороне. Пусть этот русский везет, что хочет, наше дело стеречь караван и не задавать лишних вопросов.

– Согласен с тобой. Давай лучше постараемся заснуть. Нам надобно немного отдохнуть.

Николаев тоже не мог заснуть, хотя сама жара клонила человека ко сну. Он лежал под навесом на коврике, в стороне от других. Все должны чувствовать, что здесь главный человек он, иначе рядовые выйдут из подчинения, если он будет вести себя с ними как ровня. Таков азиатский уклад мысли. Даже в случае со змеей полковник не должен был спасать укушенного солдата, подвергая себя опасности. Однако советник не смог удержаться: в русской армии царит иной дух.

Вскоре Николаев уже думал о другом. Его мысли были посвящены любимой женщине и тому, как сложится их дальнейшая жизнь. И виделось оно ему таким. Они поселятся в одном из городов Европы, среди русских иммигрантов, а после выстроят там особняк и заживут мирной жизнью. Может статься, со временем Наталья родит и второго ребенка. Однако с этим делом нужно быть осторожнее, ведь растить детей – сложное дело. С такими мыслями Николаев стал засыпать – веки стали смыкаться, но вдруг он вспомнил про раненого солдата: жив ли он, прошло уже больше часа.

Солдат лежал в двадцати шагах от шатра советника. Над головой раненого был натянут шатер. Одылбек склонился над ним и легонько потряс за плечо. Тот не шевельнулся. «Неужто помер?» – мелькнуло в его голове. Тогда он принес из своего шатра бурдюк воды и полил на лицо солдата. В это время к нему подошел Таксынбай и стал молча наблюдать. Через минуту глаза раненого открылись. На лице полковника мелькнула легкая улыбка.

– Воды хочешь? – спросил у него купец.

Солдат не ответил, видимо, был крайне слаб. Это было заметно по его тусклым глазам. Но стоило поднести к его губам пиалу, как тот сделал несколько глотков и сразу застонал.

Одылбек взглянул на его больную руку: повязка впитала в себя кровь и стала багрового цвета. Местами она подсохла, и кровь уже не сочилась. Появилась надежда на выздоровление.

– Мужайся и терпи, ты будешь жить, – успокоил его купец и ушел к себе.

Таксынбай же постоял возле больного еще с минуту, затем с недовольным видом сплюнул в сторону и тоже зашагал к своему шатру. А солдат все стонал.

Николаев проснулся к вечеру. Солдаты уже были на ногах и крутились у котла в ожидании сытного обеда – на этот раз сготовили шурпу – мясной бульон с морковью и репой. Вдруг полковник заметил свой бережно уложенный халат у входа, им он укрыл раненого солдата. Почему он здесь? Затем глянул в шатер ужаленного. Шатер был пуст. Николаев изумился: куда же тот делся?

Надев халат и чалму, Одылбек обратился к солдату, который прислуживал. Тот уже знал, что требуется купцу, и вмиг принес бурдюк и стал лить воду на голову Одылбека. Затем этого же солдата купец отправил за Таксынбаем, который находился где-то среди людей.

Командир явился с бодрим видом, в распахнутом халате и склонил голову перед купцом:

– Почтенный Одылбек, говорят, вы меня звали?

– Как обстановка? – спросил советник. – Почему с обедом опаздываете? Скоро будет темнеть, надо трогаться в путь, а еда не готова...

– Причина в том, что на сей раз мясо оказалось жестким – старая овца, никак не сварится. Это не моя вина, баранов в Бухаре покупал Даврон.

– Впредь еду начинайте готовить раньше обычного. А где тот ужаленный солдат, что-то я не вижу его?

– Бедняга умер: много крови из него вытекло. Да хранит его душу милостивый Аллах. Амин! Мы уже похоронили беднягу.

– Ладно. Какова обстановка в стане? О чем говорят солдаты? Они догадываются о грузе?

– Нет. Через своего человека я подбросил солдатам вашу мысль, что мы везем порох, патроны, и поэтому такая усиленная охрана. Вроде поверили и успокоились. А вот с погонщиками никак не получается, они не хотят раскрывать душу. Все больше говорят о жизни, о ценах на базаре. Похоже на то, им совсем неинтересно, что в этом караване.

– Если это так, то хорошо. Еще вопрос: люди довольны едой?

– Таких разговоров не было. Да и как быть недовольными, если каждый день получают большие куски баранины. Такого у них дома не бывает.

Был седьмой день пути. Караван еще двигался по степи, а между тем уже виднелись горы. Как обычно, Николаев пробудился ото сна ближе к вечеру. Стоило ему поднять голову, как в глаза бросилась надпись на песке рядом с красно-синим ковриком: «Турсуну дали яд. Это сделал Таксынбай». Полковник глянул вокруг. Рядом никого, кроме его солдата, который сидел на песке, свесив голову, видимо, дремал. Остальные только просыпались и по одному выползали из-под навеса. «Должно быть, сейчас этот человек наблюдает за ним из укрытия», – решил Николаев и стер рукой надпись. Еще ему подумалось: «Это мог сделать только человек, который был дружен с Турсуном, и он надеется, что я накажу убийцу. Нетрудно догадаться, зачем Таксынбай избавился от тяжелобольного: ему не нужна такая обуза». Однако советник не собирался вмешиваться в такие дела, не желая портить отношения с начальником охраны, хотя в душе осуждал его. В боях против «красных» полковник Николаев никогда не бросал своих солдат и боролся за их жизни до конца. И тут советника обожгла страшная мысль: «Значит, у Таксынбая имеется яд. А вдруг в какой-то момент он решит и меня отравить? Может, это приказ самого эмира, когда я окажусь ему ненужным, то есть лишним свидетелем захоронения золота? Нет, это невозможно, хотя кто знает. На Востоке люди говорят одно, а делают совсем другое».

Перед отправкой каравана Николаев обедал под шатром, сидя на коврике и держа чашку с куском хлеба. В это время к нему подсел командир охраны с большой костью в руке, при этом откусывая жирные куски.

– Что нового, командир? – спросил Одылбек.

– Один из погонщиков интересуется грузом и говорит своим братьям-дервишам, что в наших хурджунах золото. Он даже ощупал некоторые мешки. Мне это не по душе: как бы он не сбил других с пути на захват каравана. Будь мой человек, я знал бы, как с ним поступить, но это человек Даврона.

– Об этом ты известил Даврона?

– Да. Он сказал мне, что сам будет приглядывать за ним. Почтенный Одылбек, что если этот погонщик разнесет весть о золоте и подговорит людей? Разве мы можем ждать? Впрочем, если вы прикажете, я тотчас уберу погонщика. Вы здесь главный.

Советник задумался и опустил свою чашку на песок. Таксынбай же продолжал откусывать куски мяса.

– Пока ничего страшного не случилось, пусть все остается как есть. Если же мы уьем погонщика, то люди еще больше поверят в то, что в хурджунах золото. Они так и будут говорить: его убили из-за тайны. Да и не стоит портить отношения с Давроном – а вдруг он от обиды сам начнет толкать солдат к захвату каравана. Одним словом, нам в пути нельзя ссориться. Это очень опасно. Все люди должны спокойно делать свое дело. Так что без моего ведома ничего не делать. Да, почему ты отравил Турсуна?

Вопрос так поразил командира, что кость с мясом застыла возле его рта. Он был крайне удивлен и растерян. Тем самым советник дал понять, что в караване и у него имеются свои люди, которые обо всем докладывают, и не стоит затевать против него козни, если вдруг такие намерения возникнут.

– Этот бедняга, – начал оправдываться командир, – для нашего каравана был обузой. Все равно он умер бы. Я лишь облегчил его мучения.

Полковник ничего не ответил.

Заговор

Караван уже близился к горам, все чаще стали появляться кишлаки. Город Карши они обошли стороной на расстоянии, так как там уже хозяйничали большевики. Чтобы незаметным образом проникнуть в горы Байсуна, минуя всякие села, им следовало знать местность с ее тропами. В таком деле Даврон был незаменим: здесь прошли его молодые годы. Все было ему знакомо: кишлаки, горные хребты с ущельями, пещерами и родниками. Когда Даврон принял посвящение в религиозный орден дервишей, то с другими единоверцами он не раз путешествовал по этим местам. В горах, уединившись от мирской жизни, они всецело отдавались молитве, то есть общению с Всевышним. И самые рьяные из них доводили себя до столь иступленного состояния, что слышали голос самого Творца.

Даврон удачно провел караван между селений, и обоз устремился в глубь высоких гор. «Дальше будем двигаться днем, – сказал Даврон, качаясь в седле рядом с полковником. – Теперь нам можно не опасаться людей: в летнюю пору тут редко встретишь пастухов, они бывают тут весной, пока на склонах зеленеет трава». Караван шел к цели, и оставалось совсем немного. Место же сокрытия казны знал только Даврон.

Еще день по горной долине, и вереница лошадей подошла к берегу маловодной речки. Там, на широкой поляне, дервиш обратился к Одылбеку, сдерживая своего коня:

– Пещера недалеко отсюда, здесь нам надобно остановиться. Дальше посторонним людям нельзя.

– Наконец-то мы добрались, – легко вздохнул Одылбек и поднял правую руку – это был знак о привале.

Караван застыл на месте, вытянувшись в длинную цепочку вдоль берега. В это время к Одылбеку подъехал Таксынбай и удивленно спросил:

– Что случилось? Неужели добрались?

– Да, мы уже на месте, – ответил полковник, улыбаясь.

– Какая радость, наконец-то! Слава Аллаху, добрались спокойно.

По такому случаю даже на лице Даврона мелькнула легкая улыбка. Чаще всего его лицо выглядело серьезным, озабоченным.

– Радоваться еще рано, – предостерег советник. – Мы еще не довели дело до конца, и потому нам нельзя расслабляться. Пока наш караван разместится на этой поляне. Это я поручаю тебе, Таксынбай. Но и это не все. Далее мы с Давроном отправимся в горы одни, чтоб отыскать место для казны. Поэтому лишних глаз там не должно быть. Ты же, Таксынбай, будешь ждать нас, покуда мы не вернемся. Это не займет много времени, и, надеюсь, к вечеру мы управимся. Твоя задача, – продолжил Николаев, – стеречь караван. К своим людям будь бдителен, тем более они уже кое о чем догадываются. Расставь охрану таким образом, чтобы все были на виду, и никто не мог сбежать. Что касается погонщиков, то Даврон уже предупредил своих людей. Вот и все.

– Будет исполнено, господин, – с трудом выдавил из себя Таксынбай, едва сдерживая обиду: почему эмир доверяет этому чужаку и бродяге-дервишу больше, чем ему, личному командиру царской охраны? Хотя его боятся даже министры. Почему он не должен знать о месте клада, ведь в его душе нет ни малейшего желания посягнуть на казну?

Впрочем, ему так и не удалось скрыть свою обиду, и Николаев заметил это в его голосе. Прежде чем уйти, нужно было успокоить командира.

– Таксынбай, – заговорил с ним полковник, – мы уходим, и ныне вся ответственность за казну ложится на тебя. Ты представляешь, как верит тебе эмир?

От таких слов, полных доверия, сердце командира смягчилось.

– О да! Я осознаю всю тяжесть возложенного на меня дела. Верьте мне, воля нашего повелителя будет исполнена в точности, без малейшего уклонения.

Когда две конные фигуры скрылись за каменным выступом, Николаев и Даврон направили своих лошадей в ущелье с высокими скалами.

И тут же Таксынбай взялся за дело. Покрикивая на дервишей, командир велел груженных лошадей собрать на поляне, за которой сразу возвышались отвесные скалы. А солдатам приказал окружить караван и никого не пускать. Остальные расселись кучками вдоль речки, растянув над головой навесы. Два дежурных солдата занялись приготовлением еды, установив черный котел на железной подставке. Еще двое свалили крупного барана на землю и сняли с него шкуру, а тушу повесили на толстой ветке. Минуло три часа. Уже давно в котле варились куски мяса, и шел густой пар. От жирного бульона разносился аромат баранины. Солдаты и погонщики сидели раздельно: одни устроились в тени густого дерева, другие – вдоль речки. От скуки люди болтали о том, о сем. Однако дервиши не теряли время и предались долгой молитве и лишь затем завели тихую беседу. В последние дни люди из каравана все чаще стали задаваться вопросом: что за таинственный груз в хурджунах и почему двигаются лишь по ночам? Какие ценности везет этот русский, что его охраняет личная гвардия самого эмира? И вопросов оказалось больше, чем ответов. Спросить об этом у командира никто не смел. Особенно после случая с Турсуном, которому Таксынбай насыпал яду в чай, так как тот без конца просил воды. Должно быть, это дело огромной государственной важности, решили для себя многие и успокоились, хотя все равно в голову лезли мысли о золоте.

Таксынбай с двумя верными людьми сидел под деревом, заложив ноги под себя, и тоже вел беседу. При этом он поглядывал вокруг, особенно на дервишей-погонщиков, что сидели кругом. Его встревожило поведение одного из них. Ему было лет сорок, как и все, он был одет в старый, выцветший халат с заплатами и чалму. Он давно казался Таксынбаю слишком болтливым, и командир уже докладывал о нем полковнику и Даврону, но те не принимали мер. А ведь три дня назад он хотел разузнать о грузе у солдат. И вот теперь этот погонщик опять что-то затеял, кажется, он желает сбить своих братьев с истинного пути и что-то твердит им. Те же слушали настороженно, глядя друг на друга с испуганными глазами. Что за речи он ведет? Может, замышляет смуту, бунт? И Таксынбай решил проверить, о чем же тот болтает? Он обратился к рядом сидящему помощнику, который рассказывал какую-то забавную историю:

– Салим, мне не по душе вон тот погонщик: много болтает, аж глаза блестят. Надобно узнать, о чем он говорит. Подкрадись к ним со стороны большого валуна и вслушайся. Но прежде иди к котлу, как будто по делам, а затем зайди к ним с тыла. Ступай.

Помощник Таксынбая так и сделал. Бросив кое-какие указания поварам, он лениво побрел к скалам, а оттуда метнулся к большому камню. Вроде все шло удачно, отметил про себя Таксынбай, наблюдая за помощником.

Соглядатай вернулся к командиру таким же путем. Солдат был взволнован, глаза его сияли.

– О, мой начальник, ваши опасения верны. Этот подлый дервиш сеет смуту и уговаривает своих братьев захватить караван. Он твердит им, что в мешках золото. Оказывается, он сделал дырочку в одном из хурджунов и извлек одну монету. И дервиш показал своим братьям золотой рубль.

– Да, забавная у них беседа. А как он захватит вооруженный караван? Об этом не сказывал? – от злости Таксынбай ударил кулаком по траве.

– Такого разговора не было. Только сказал, что и солдаты будут на их стороне, когда узнают о грузе. Перед горой золота никто не устоит. Еще этот смутьян твердил братьям, что другого такого случая в их жизни не будет.

– А каким был ответ других дервишей?

– Они молчали, опустив глаза. И лишь помощник Даврона возразил, сказав всем, что они божьи дети и не нуждаются в деньгах, ибо деньги служат Шайтану. А тот опять за свое: «Если деньги столь противны твоей душе, то подумай о своих бедных детях и родне, которым все это нужно? Ведь они не дервиши, как мы, а значит, им это нужно». Однако верный человек Даврона был все так же тверд: «О, брат мой, – сказал он, – тебя явно попутал Шайтан, и ты весь в его власти. И туда же тянешь своих братьев. Пока еще не поздно, одумайся, иначе ты будешь проклят самим Всевышним и окажешься в аду, где будешь гореть. Неужели это не страшит тебя?» Вот такой был у них разговор.

– Вот так дела! – возмутился второй помощник Таксынбая. – Такого изменника нужно мигом зарезать. Дозвольте мне это сделать, мой командир?

– погоди, не спеши, – сказал командир, – прежде надо разузнать, кто заодно с этим негодяем.

– Но, мой командир, медлить слишком опасно. Пока мы станем выяснять это, заговорщики могут напасть на нас!

– Такое дело возможно, если этот дервиш уже сговорился с нашими солдатами.

– Смотрите! Смотрите! – воскликнул первый помощник. – Этот смутьян зашагал к солдатам. Должно быть, свои братья не поддержали его. Я уверен: сейчас он будет подбивать наших воинов к захвату каравана.

– Ты верно мыслишь. Не смотрите в его сторону, – предупредил командир, – пусть он думает, что мы ни о чем не догадываемся.

Хотя сам, беседуя с людьми, не сводил глаз со смутьяна.

Дервиш подсел к одному из шатров и тихо заговорил с охраной каравана. При этом его глаза горели. Слушая его, солдаты молчали и лишь боязливо бросали взгляды по сторонам, особенно на командира, который вел мирную беседу.

Разговор дервиша с охраной был недолгим. Затем он, сказав «амин» и вознеся руки к лицу, встал с места и вернулся к своим братьям. Там он вновь завел беседу.

– О, доблестный наш командир, медлить уже нельзя, – с волнением сказал второй помощник. – А что, если часть солдат встали на его сторону?

– Согласен с тобой, разговоры о золоте могут помутить разум даже самых преданных людей. Более ждать нельзя: пора усмирить смутьяна.

Когда Таксынбай со своими людьми поднялись, к ним подошел старый солдат:

– Господин командир, дозволейте сообщить нечто очень важное.

– Говори, мы слушаем.

– Недавно к нам явился один из дервишей и завел страшную беседу, он предложил нам вместе с дервишами захватить караван. Он уверял, что эти хурджуны набиты золотом, и в подтверждение своих слов показал золотую монету, которую вытащил из сумки. Клянусь именем Всевышнего, я был против этого гнусного дела и посему стою перед вами.

– А остальные солдаты как вели себя? – поинтересовался Таксынбай.

– Они хранили молчание. Трудно понять, что у них на уме.

– А как этот смутьян хотел исполнить задуманное?

– Его намерения были таковы. Мы с дервишем должны напасть на вас и связать веревкой. Тогда остальные сразу перейдут на их сторону. Он торопил нас, говоря, что скоро вернутся Одылбек с Давроном и тогда будет поздно.

– Куда он хотел бежать с таким грузом?

– В горы, а дальше в Афганистан или Иран, где их не отыщут.

– Умно задумал, негодяй, хоть на вид забитый дервиш. Однако, слава Аллаху, в караване есть верные люди, как ты. За преданность эмир щедро одарит тебя. Пусть все знают, что добрые дела никогда не забываются. А теперь я желаю лично увидеться с этим негодяем.

И они зашагали к дереву, где расположились дервиши. На лицах отшельников тотчас возник страх, и все опустили головы, не смея глядеть на грозного начальника охраны. А между тем смутьян еще говорил братьям, сидя спиной к Таксынбаю. А увидев его, резко обернулся назад, умолк и вытарашил глаза от страха.

– Продолжай свою речь, – усмехнулся Таксынбай. – Говорят, ты решил умное дело вернуть, пока нет того русского. Должен признаться, я и сам думал о том же. Может, нам лучше быть вместе? Ведь золото здесь очень много – всем хватит. Да и другого такого случая больше не представится. Что скажете, дервиши?

Отшельники молчали, не смея поднять свои взоры. И тут заговорил помощник Даврона: «Такие дела не нам решать: мы маленькие люди. У нас есть глава ордена, почтенный Даврон, мы верны его слову».

Другие дервиши были с ним согласны и закивали головами.

– А ты что скажешь? – обратился Таксынбай к заговорщику.

Тот не сразу ответил: доверять такому человеку было опасно, и все же решился, сказав про себя: «Будь что будет».

– Я с вами. Мне ваша затея по душе. Отобрать у русского кяфира имущество – невеликий грех. Аллах простит нас, ведь не зря говорят, что он милосердный. Неужели мы упустим такую возможность – там столько золота! – и глаза его засияли. – Если каждый из нас возьмет хотя бы по одному хурджуну...

– Говоришь ты разумно, но, видно, ты не ведаешь о том, что хозяин этого груза не купец Одылбек – он лишь выполняет волю нашего эмира. Это его добро.

Дервиша это не смутило, и его ответ был столь же решительным:

– У нашего эмира много золота, и он не обеднеет.

– Твои слова справедливы. Однако, кажется, мы опоздали. Глядите, купец с Давроном уже возвращаются.

Все устремили свои взоры в сторону ущелья, но никого не увидели. В этот миг Таксынбай выхватил из ножен меч и разом снес голову заговорщику. Безголовое тело свалилось на рядом сидящего дервиша и залило его халат кровью. Тот от испуга завизжал, оттолкнул мертвеца от себя и вскочил с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.